

**ВЕСТНИК
НОВОСИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ПЕТРОВСКОЙ АКАДЕМИИ
НАУК И ИСКУССТВ
№ 2 (24)**

**ФАРС И ТРАГЕДИЯ
ВЕЛИКОЙ СИСТЕМЫ
(классовый аспект)**

**Новосибирск
23 августа 2021**

Бюллетень «Вестник Новосибирского отделения Петровской академии наук и искусств».

Учредитель и издатель: Новосибирское региональное отделение Межрегиональной общественной организации «Петровская Академия наук и искусств».

Свидетельство о регистрации ПИ 12-0439, выдано 27 декабря 2000 г. Сибирским окружным межрегиональным управлением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Адрес издателя и редакции: 630090, Новосибирск, проспект имени академика Коптюга, 4.

Адрес для писем: 630041, Новосибирск-41, 1-й Экскаваторный переулок, дом №27

Главный редактор: член-корр. ПАНИ Сергей Романович Кузьмин, телефон 89059542261, E-mail: ksm_59@mail.ru

Дата выпуска: 23 августа 2021г.

Отпечатано: в ООО «Академиздат».

630090, Новосибирск, пр-т ак. Лаврентьева, 6/1. Тел. (383) 380-65-20

Заказ № 119. Цена свободная, 116 страниц, тираж 50 экземпляров. Время подписания в печать по графику – 8-00, фактически – 8-00.

«Учредить в Санкт-Петербурге Академию наук и всяческих искусств. Главное в учреждаемой Академии есть взращение наук, умножение ремёсел и искусств и восселение оных в Российском народе»

Пётр Первый, 1723 г.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ (АННОТАЦИЯ). «ЕСЛИ НЕ ПУТИН, ТО КТО?».....	3
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ФИНАЛ.....	5
<i>Сухая хроника поворотных дней августа 1991 года</i>	5
<i>Подлог Союзного договора</i>	6
<i>Ползучее растаскивание госсобственности</i>	7
<i>Реальный государственный переворот</i>	9
<i>Конституционный размен</i>	11
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТЕРНИСТАЯ ИСТОРИЯ СССР.....	13
<i>Начало. Кому управлять общенародной собственностью?</i>	13
<i>Мари командно-административной системы (сжато)</i>	15
<i>Противостояние рыночников и администраторов. 6-я статья конституции как попытка его разрешения</i>	16
<i>Иные варианты: Цифровой</i>	18
<i>Иные варианты: Сталинский неадминистративный</i>	19
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОГО МИРА.....	21
<i>Невиданный в Истории феномен – наемный класс как новый формационный собственник</i>	21
<i>Рабоче-классовая альтернатива и ее объективная узость</i>	24
<i>Миссия компартии и суть ее идеологической работы в условиях социализма</i>	26
<i>Новое содержание ленинской формулы</i>	27
<i>Отражение феномена нового собственника в социалистической науке</i> ..	28
<i>Сталинская модель классового государства при социализме (схематично)</i>	31
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. КОМАНДНО-АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПУТЬ – НЕИЗБЕЖНАЯ ВОЙНА С РАБОЧИМ КЛАССОМ	33
<i>Деклассирование</i>	33
<i>Конфронтация</i>	34
<i>А где партия? Административный централизм и деидеологизация</i>	35
<i>Разворот идеологии</i>	36
<i>Итог войны с рабочим классом</i>	38
ЧАСТЬ ПЯТАЯ, КОРОТКАЯ, О ПЕРЕСТРОЙКЕ.....	39
<i>«Если не Путин, то кто?» Качели командно-административной системы</i>	39

<i>Суть Перестройки</i>	41
<i>Роковая ошибка в выборе исторической аналогии</i>	43
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. 1993 ГОД. ЗАВЕРШЕНИЕ ФОРМАЦИОННОГО ПЕРЕВОРОТА	45
<i>Криминально-либеральный мятеж</i>	45
<i>Самоубийственный эпатаж «Учредиловки»</i>	49
<i>Восстание ли это было?</i>	51
<i>Уличная борьба – не значит классовая</i>	52
<i>Запоздалый ответ советской командно-административной системы</i>	54
<i>Глубинный ответ советского наследия</i>	55
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РЕВАНШ СОВЕТСКОЙ КОМАНДНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ	57
<i>Электоральный тренд девяностых годов. 1996 год. Было ли предательство?</i>	57
<i>Власть и класс</i>	58
<i>Еще немного истории. Что такое пролетарская революция</i>	59
<i>Неравная борьба</i>	61
<i>Особый фактор</i>	61
<i>Классовое определение командно-административной системы</i>	62
<i>Полиага вперед и удар в спину</i>	66
ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ. БЕЗ КЛАССОВОЙ ПОДДЕРЖКИ	68
<i>Тяжелая ноша системного наследия</i>	68
<i>Компартия в прокрустовом ложе режима</i>	69
<i>Исторически новая электоральная ситуация</i>	71
<i>Стержень лево-патриотической ниши</i>	73
<i>Почему нужна опора на рабочий класс?</i>	74
ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ. ЧТО ДАЛЬШЕ? СОСТОИТСЯ ЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ В РАБОЧИЙ КЛАСС?	75
<i>Большевизация власти и... класса</i>	75
<i>Пленум октября 2014 года</i>	76
<i>Ошибка триумфального съезда</i>	79
<i>18 Съезд КПРФ (2021 год). И вновь без раздела о рабочем классе</i>	83
<i>Научно-исторический контекст недосказанного на Съездах</i>	84
<i>Подводим черту. Исторический ориентир</i>	88
ПОСТСКРИПТУМ. Китайская верстовая дорога в социализм	89
ВЫВОДЫ	98
Литература	100
<i>Рецензия на работу Сергея Зиновьевича Саночкина «Фарс и трагедия великой системы» от член-корреспондента ПАНИ Сергея Романовича Кузьмина</i>	102
<i>Рецензия на книгу Саночкина Сергея Зиновьевича «Фарс и трагедия великой системы» от академика Петровской академии наук и искусств, доктора технических наук Анатолия Егоровича Немцева</i>	116

**ПРЕДИСЛОВИЕ (АННОТАЦИЯ).
«ЕСЛИ НЕ ПУТИН, ТО КТО?»**

Нет, не о Путине пойдет речь. Эта фраза, вынесенная в заголовок, позволит сегодняшнему жителю России психологически яснее понять драму последних спокойных лет советской власти. Все семидесятые годы она звучала, как «Если не Брежнев, то кто?». Над ним смеялись, о нем рассказывали анекдоты, но он был несменяемым. Казалось бы, страна на взлете, умнейших голов – девать некуда, но... «Если не он...?». Командно-административная система так крепко бетонировала власть в руках первых руководителей, что замена любого из них сделалась невозможной даже при падении его авторитета. Говорят, что История повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй – в виде фарса. Данная история все поменяла местами. Сначала это было пафосным фарсом с хвалебными песнопениями и фанфарами, теперь же заклинаниями «Если не Путин, то кто?» вокруг нас разыгрывается трагедия.

Мы слишком увлеклись исследованием роли личности в Истории. В разрушении СССР видим ключевую роль тех или иных персоналий – и во время Перестройки, и на двадцатом съезде, и в годы косыгинских реформ. Усматриваем предательство одних и бездействие других в сегодняшнем унижительном положении сверхдержавы. Однако забываем, что трицца, собравшаяся в Беловежской пуще, была избрана миллионами голосов. В 1956 году миллионы еще не остывших от призывов «За Родину! За Сталина!» очень легко убрали Сталина из своей жизни. Не будь воли миллионов, не было бы ни Хрущева на двадцатом Съезде, ни предателей в Беловежской Пуще, ни нынешних поводырей ослепленных масс. А, с другой стороны, нет сегодня миллионов за спинами именно тех, кто может остановить падение Великой страны.

Если каждую крупную историческую личность можно исследовать биографически, можно проследить эволюцию ее взглядов, влияние на принятие решений, то отследить каждую крупинку из миллионов не предоставляется возможным. Можно увидеть лишь движение некоего обобщенного сознания и интересов. Марксистами это называется отследить классовые

интересы. Но даже среди них одни пытаются смотреть на классы пафосно-монументально, другие копаются именно в крупинках, опускаясь до индивидуальностей и при этом теряя из виду класс, третьи пытаются скрестить книжные цитаты классиков. О роли масс в Истории сказано очень много и... ничего приложимого к меняющейся жизни... (Например, всякий новый и непонятный «социальный порыв» чаще объясняют всего лишь манипулируемостью масс. Но и это – тоже не ответ. В 1996 году, когда выбирали Ельцина, большинству уже было все абсолютно ясно. Однако выбрали! Осознанно! Почему?!)

В статье будет поднят тот же вопрос о роли масс в Истории, но взглянем на него через призму фарса и трагедии великой системы, через вопросы, которые просты, которые на слуху и которые слишком часто задаются: «Распался ли Советский Союз естественно, или он был разрушен?», «Почему проголосовавший за СССР народ не встал на его защиту?», «Почему руководитель системной политической основы строя – Коммунистической партии – Зюганов в критические дни сентября-октября 1993 года призвал людей не выходить на улицы?», «Мог ли случиться августовский перелом 1991 года, если бы Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев был бы не президентом СССР, а председателем Верховного Совета?». На вопросы о причинах крушения Советского Союза дают диаметрально противоположные ответы, и каждый из них имеет свое право на существование. Истина лежит отнюдь не посередине – как обобщающая категория она объединяет в себе все суждения. Более того, она динамична – каждый нынешний поворот развития человечества может высветить эпицентр Истины в совершенно новом месте огромной Истории. Иначе как неоднозначностью Истины не объяснить одновременно и стремительность разрушения страны-исполина, и нарастающую тягу к ее возрождению. Этими и другими вопросами мы и зададимся. Попытаемся осветить некоторые немаловажные причины, приведшие к событиям 1991 года, поговорим о том, что было такого в СССР, что десятилетиями сцепляло шестую часть планеты, но что возрожденное сегодня неизбежно сделает какое-либо воскрешение Советского Союза преждевремен-

ным. Поговорим о том, сколько сермяжной правды в сарказме Черномырдина: «Какую бы партию мы сейчас ни создавали, у нас получается КПСС», о строе и о классовой ситуации в СССР.

В большей степени мы будем говорить о Советском Союзе, но заденем и его наследницу Российскую Федерацию. И хотя мы не будем специально будировать вопрос «Если не Путин, то кто?», но надеемся, что по итогам беседы этот вопрос подспудно напросится сам с серьезными размышлениями.

Несколько слов о формате беседы. Она будет носить в основном тезисный характер, ибо на эту тему сказано так много, что повторные разборы просто оттолкнут вас от чтения. Но это будет не просто повторение тезисов – мы возьмем выжимки, выводы разных аналитиков, будем столбить и выстраивать их – совершенно разные, порой диаметрально противоположные – в единую логическую линию. И так будет сделано не случайно, ибо логика Истории – в переплетении противоположностей. Такой же разноречивой была и логика СССР. Причину его естественно-неестественного поражения можно понять, не выискивая какой-либо один фактор, самый существенный и главный, а рассматривая развитие СССР как борьбу противоположных тенденций, причем борьбу меж собой, в том числе, и некапиталистических устремлений, каждое из которых само по себе не имело целью его уничтожение.

Для поиска причин мы обратимся к долгой истории СССР, но начнем от его финала – от августа 1991 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ФИНАЛ

Сухая хроника поворотных дней августа 1991 года

Кратко официальная хроника выглядит так [1]. Готовился к подписанию Союзный Договор. Для его срыва несколько человек из руководства СССР, воспользовавшись отъездом Горбачева на отдых, создали Государственный Комитет по чрезвычайному положению – ГКЧП, который объявил, что берет в свою руки верховную власть в стране. Обществом это было

воспринято, как насильственная изоляция президента, и в Москве начались волнения. Президент России Ельцин назвал членов ГКЧП преступниками, арестовал их и взял под свое управление союзные органы.

Не будем рассматривать события тех дней во всех подробностях, не будем обсуждать действия ГКЧП и задаваться вопросами, было ли затворничество Горбачева действительно насильственным. Сконцентрируемся на ключевых моментах.

Подлог Союзного договора

Референдум о сохранении СССР 17 марта 1991 года уже ни на что не влиял, но он оставил для Истории краткий и емкий вердикт: для распада сверхдержавы не было основополагающей, базисной причины – нежелания большинства ее граждан жить единым советским социалистическим Союзом. Напомним, что тогда 76 процентов проголосовавших высказались за сохранение Союза. Обратим внимание на эпохальное значение референдума – не будь этого голосования, массовые московские волнения против ГКЧП, послужившие толчком к последующему роспуску союзных органов и затем СССР, были бы интерпретированы как выражение воли народа. Было бы вписано в скрижали Истории, что СССР был сметен самим народом. Результаты референдума 1991 года не дают это сделать.

И вот, как бы в порядке реализации итогов референдума о сохранении СССР Горбачев преподносит Союзный Договор [2]. Но читаем: вместо СССР создается конфедерация «Союз Суверенных Советских Республик». Углубляемся в текст и видим, что в ведение союзных республик передается большинство экономических вопросов, вопросы социальной и культурной политики, вводится гражданство союзных республик. То есть СССР на деле разрушается! Каким же образом Горбачев сумел так наизнанку вывернуть волю народа? Ответ кроется в одном слове, которое попало в формулировку вопроса на референдуме – «суверенные». Вопрос звучал так: «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверен-

ных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?»

Никто тогда не заметил разрушительного подвоха в слове «суверенных». Казалось, это всего лишь модный в те дни синоним слова «самостоятельных», и, в принципе, определенная доля самостоятельности у наших республик была. Но вспомним, что слово «суверенный» восходит от слова «суверен», означающего носителя неограниченной верховной государственной власти. Одного этого достаточно, чтобы понять, какая мина была заложена в вопросе референдума: у суверенных республик по определению не может быть вышестоящего руководящего органа.

Застолбим: Результаты референдума 17 марта 1991 года помогают ответить на ключевой научно-исторический вопрос эпохи: «Распался ли СССР естественно, или он был разрушен?». Для естественного распада СССР не было базисного основания – нежелания народа и дальше быть единым советским социалистическим Союзом. Но в самой формулировке вопроса была заложена мина под единый Союз, заключенная в слове «суверенных». В дальнейшем на нем стали строиться мошеннические политические игры. СССР, естественно подошедший к потрясениям, был развален искусственно, в том числе такими подлогами, как спекуляцией словом «суверенные».

Но продолжим. Что значат слова о том, что СССР подошел к потрясениям естественно?

Ползучее растаскивание госсобственности

Задолго до подготовки Союзного Договора уже полным ходом шло подмывание базиса строя – переиначивался ключевой вопрос его экономической системы: вопрос собственности. В годы Перестройки под разговоры о суверенизации началось растаскивание собственности СССР по национальным квартирам. Так, были проведены национализация Россией нефтяной и газовой промышленности и национализация Якутией и Казахстаном золотодобывающей промышленности. Но главное –

уже давно шел процесс глубинно-системный: шло растаскивание собственности, прямо скажем, просто по квартирам. Нет, это не столько массовые мелкие хищения – то всего лишь воровство, характерное для всех систем, но как можно назвать наделение предприятий и организаций финансовой независимостью? – Не иначе как подспудным ползучим перетеканием госсобственности в собственность предприятий.

Не будем углубляться в экономические схемы, вычленим лишь, что в остатке от такой независимости в ведении предприятий оказывалось право распоряжения производимым продуктом. Нет, это еще не было частной собственностью, однако в чем главный смысл частной собственности для экономики? – Кроме безусловного права на владение средствами производства, это и право на безусловное присвоение производимого продукта и распоряжение им. Строго говоря, на этом базируется возникающий интерес к получению прибыли, то есть, получается, что некто, владеющий только лишь правом распоряжения производимым продуктом, по возникающему экономическому интересу принципиально не отличается от полноценного частного собственника. Но этим дело не ограничивалось.

Коммерциализация отношений между предприятиями и целыми подотраслями народного хозяйства вела еще и к потере плановых принципов управления отраслями и предприятиями, то есть в целом эти процессы вели к экономике, функционирующей аналогично той, что основана на частной собственности. Не хотелось бы играть в термины и тем более вводить новые, но вписывание ситуации в схему частнособственнической капиталистической экономики подталкивает к необходимости обозначить это явление. Здесь и далее будем говорить о квазичастной собственности, то есть собственности, не подразумевающей юридическое владение средствами производства, но предполагающей юридически узаконенное самостоятельное распоряжение производимым продуктом.

Стало общим местом усматривать здесь аналогию с ленинским НЭПом. Мол, те же принципы, те же допущение частной собственности. Однако если в основе НЭПа лежал бизнес, сформированный частником, условно говоря, на отдельном от

государства экономическом пространстве, то здесь бизнес разворачивался на площадях государственных предприятий с использованием государственных средств производства, комплектующих и материалов, другими словами, создавался не в дополнение к государственному, что было крайне необходимо во времена разрухи двадцатых годов, а путем отделения от государства в готовом виде. Как видим, это противоположно направленные процессы. Горбачевский квазиНЭП кромсал единое хозяйство и вел к результатам, прямо противоположным НЭПу – он не укреплял, а разваливал экономику.

Столбим: В стране внедрялась и на базе государственных предприятий стремительно развивалась квазичастная собственность, разрушалась плановость экономики. Союзный Договор, разделяя Союз на суверенные государства, политически добивал единую плановую систему страны. Слово «социалистические» удалялось из государственного лексикона.

Самостоятельное распоряжение производимым продуктом, самостоятельное настраивание внутриотраслевых и межотраслевых связей неизбежно вели к концентрации права распоряжения продуктом в руках уже не столько коллективов предприятий, сколько их директоров. Для окончательной капитализации страны недоставало только одного шага – законодательного признания права частной собственности за теми, кому уже лично в руки было передано право распоряжения продуктом государственных предприятий. Первым документом, открывающим шлюзы для сметающего вала, был Союзный Договор. Дело оставалось за малым – депутатским голосованием.

Реальный государственный переворот

Да, по действующей на тот момент Конституции СССР документ такого уровня, как Союзный Договор, мог быть принят только Съездом народных депутатов СССР. И, действительно, рассмотрение Договора Съездом было намечено на сентябрь 1991 года. Однако уже по развернувшимся тогда дебатам стало ясно, что депутаты такой Договор не примут – даже при на-

строе большинства из них против централизованной системы. Поэтому Горбачев пошел на политическое мошенничество – по праву президентства назначил принятие Союзного Договора не Съездом, а совещанием глав союзных республик в августе 1991 года, предполагая поставить Съезд перед уже свершившимся фактом. Если называть вещи своими именами, это и был реальный государственный и даже, более того, формационно-системный переворот. Действия ГКЧП, обвиненного в госперевороте, были направлены как раз на его предотвращение.

И вот теперь обратимся к упомянутому в начале статьи вопросу, как развивались бы события, будь Горбачев не президентом СССР, а председателем Верховного Совета?

События августа 1991 года в этом случае в принципе бы не случились.

Первое: как видим, сама процедура подписания Союзного Договора (плох он или хорош) была бы отнесена исключительно к Съезду народных депутатов СССР – просто не было бы инициатора подписывать его на уровне глав республик до принятия Съездом.

Второе: пошедший на мошеннические игры Горбачев не был бы настолько несдвигаем. При утрате доверия он был бы не отправлен на отдых в Форос, а просто переизбран бы Верховным Советом.

Третье: даже если бы понадобилось ввести чрезвычайное положение в отсутствие руководителя Верховного Совета, у самого Верховного Совета было достаточно полномочий для создания Государственного Комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП). То есть, не было бы никаких оснований для обвинения ГКЧП в нелегитимности и, значит, последующие разгром и арест его членов были бы невозможны. Союзные органы были бы сохранены и продолжали бы работать.

Таким образом, можно обозначить ключевое обстоятельство, послужившее спусковым крючком к распаду СССР, – это президентская форма правления. Но еще раз повторим: это только спусковой крючок, слишком много причин подвело к развалу страны, однако не будь именно его, все многочисленные проблемы были бы преодолены. За свою историю страна

не раз выходила и из более трудных ситуаций. Текущие тактические задачи были бы решены тем же Государственным Комитетом по чрезвычайному положению, а более глубинные проблемы СССР уже постепенно разрешались, и как это ни странно прозвучит, той же Перестройкой – противоречивой, разнонаправленной Перестройкой. Ее совершенно не по праву называют однобоко – горбачевской, и об этом мы поговорим ниже. В августе 1991 года, сделав, наконец, решительную попытку выбраться из тяжелого положения, страна споткнулась о президентство.

Столбим: Верховный Совет, Съезд народных депутатов и шире – Советская система власти оказались препятствием на пути ползучей капитализации социально-экономической системы в стране. Президентская форма правления позволила его обойти. Фатальность неудачи ГКЧП заключалась в том, что они вынуждены были встать на защиту социально-экономической системы, против развала страны, будучи в рамках президентской формы правления.

Однако, как же так получилось, что в советской стране, которой руководили идеологи, наизусть знавшие работу Ленина «Что такое Советская власть», где твердилось и широко пропагандировалось, что мы имеем самую прогрессивную в мире форму государственного устройства, случился именно идеологически самоубийственный шаг назад – введен институт президентства?

Конституционный размен

Формально решение о введении поста президента в стране было принято Съездом народных депутатов СССР 15 марта 1990 года [3]. Это сами Советы накиннули себе на шею удавку. Но мы знаем, что такое решение не могло бы состояться, если бы оно не было бы принято руководством КПСС. И оно было принято – чуть ранее, на февральском Пленуме ЦК КПСС 1990 года. То есть необходимо сначала разобраться в причинах и этого решения.

Подсказкой служит то, что главным вопросом Пленума ЦК а затем и Съезда депутатов была отмена 6-ой статьи Конституции СССР, провозглашавшей руководящую роль КПСС.

Борьбу за отмену 6-ой статьи Конституции можно считать пиком политической части Перестройки. Она сильно раскачала общество. За день до проведения поворотного февральского Пленума ЦК КПСС в Москве прошла демонстрация против 6-ой статьи, которая собрала 200 тысяч человек. С этим уже нельзя было не считаться, и участники Пленума, хотя и резко покритиковали Горбачева за то, что Перестройка привела к такому развороту событий, вынуждены были проголосовать за удаление из Конституции статьи о руководящей роли партии. Ну а поскольку руководящей политической ролью поступаться было нельзя, то взамен 6-ой статье ввели высшую политическую должность «Президент СССР», обеспечив избрание на нее Генерального секретаря ЦК КПСС. Формально КПСС сохранила за собой верховную политическую власть, однако из-под системы были выбиты ленинские основы советского государственного устройства, и, как видим, это открыло дорогу прямой реставрации капитализма.

Здесь необходима оговорка. Бытует мнение, что должность Президента СССР пробивал исключительно Горбачев, чтобы сделать себя независимым от ЦК КПСС. Это действительно имело место, однако не будем забывать об остальных членах ЦК. Им-то зачем отрывать от себя рычаги воздействия на Генерального секретаря? Конечно, они смотрели на проблему иначе. Они голосовали за эту должность не ради независимости от них Горбачева, а именно, чтобы сохранить в руках партии политическую власть в стране.

Столбим: Центральный комитет КПСС пошел на введение института президентства в обмен на удаление из Конституции 6 статьи о главенствующей роли КПСС в стране. Имея в своих руках рычаги влияния на принятие государственно-политических решений, ЦК КПСС предполагал через этот пост сохранить за партией верховную политическую власть.

Однако здесь нельзя не поговорить о следующем. Сама статья о руководящей роли КПСС появилась в Конституции только в 1977 году [4]. До этого в течение шестидесяти лет Советской власти руководящая роль компартии осуществлялось без какого-либо конституционного закрепления этой нормы. Неужели и в 1991 году не могли просто убрать статью, не делая идеологически шаг назад, не вводя губительное для нас президентство?

Не могли! Ибо появление этой статьи в Конституции 1977 года тоже было не случайным. И в отличие от ситуации более ранних годов двадцатого века без конституционного закрепления правящая роль компартии действительно могла быть утрачена уже в те годы.

Подводя черту под этим разделом, столбим: Политический тренд Перестройки вывел на отмену конституционного закрепления руководящей роли КПСС. Это вынудило руководство компартии пойти на введение института президентства в ущерб верховенству Советов, но потеря ведущей роли Советов при начавшемся перераспределении собственности в частные руки как раз и привела к формационному перевороту.

Теперь попробуем разобраться, почему в 1977 году стало критически важным конституционное закрепление руководящей роли КПСС.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТЕРНИСТАЯ ИСТОРИЯ СССР

Начало. Кому управлять общенародной собственностью?

По сути социализма собственником народного достояния в стране должен быть сам народ, однако штурвал управления всякой собственностью так или иначе находится в чьих-то конкретных руках (имеет конкретные фамилии, имена и отчества). Феодалская собственность управляется феодалами, буржуазная – капиталистами. Социалистической (и шире: общенародной) собственностью конкретно рабочие от станка (люди из народа) управлять не могли. С первых дней революции народным хо-

зяйством управлял государственный орган – Совет народных комиссаров, и это были в основном избранные рабоче-крестьянскими Советами выдвиженцы из партийного актива. То есть, строго говоря, в качестве «штурманов» на уровне государственного управления работала группа революционеров – партия. Уже изначально государственные, хозяйственные и партийные структуры оказались фактически сращёнными. Так было порождено то, что получило название командно-административной системы.

(По логике статьи сейчас надо было бы определить, что такое командно-административная система, но пока не будем этого делать. Остановимся на простой констатации ее партийно-государственно-хозяйственной структуры. Те определения, которые за ней затвердились, обязательно отождествляют ее с социализмом и централизованным управлением экономикой. Однако почему тогда появилась сентенция Черномырдина «Какую бы партию мы не создавали, у нас получается КПСС»? Покажем по ходу статьи ее более широкий и глубокий характер, чем просто системы управления. – Почему она здесь названа Великой, и почему оказались Великими ее Фарс и Трагедия? Попытаемся к концу обсуждения дать ее обобщающее определение, которое поможет как увидеть ее суть, так и понять, как она до сих пор влияет на магистральное движение страны даже после своей формальной кончины).

Итак, в управлении социалистической собственностью стала видеться статусная роль компартии. Для многих партийцев было непонятно, как, оторвав партийные структуры от отраслей, можно было реализовывать функцию управления социалистической собственностью. И хотя уже тогда Сталин говорил, что можно постепенно ослаблять партийно-бюрократический надзор за экономикой и даже допускать введение рыночных рычагов, таких, как товарно-денежные отношения и прочее (по его мнению, это не привело бы к утрате социализма, поскольку собственность все равно оставалась в руках народа [5]), однако такой посыл трудно было воспринять. Отдавать руководство отраслями беспартийным спецам, даже не вводя товарно-денежные отношения, просто боялись. В противовес

сталинской формуле гарантия сохранения собственности социалистической виделась как раз в усилении и расширении прямого партийного руководства экономикой.

Столбим: социалистической/общенародной собственности требуется управляющий. В первые годы Советской власти компартия взяла в свои руки обязанности «штурмана» госсобственности, срастив таким образом управленческо-хозяйственные и партийные структуры.

Марш командно-административной системы (сжато)

Необходимость прямого партийного управления государственным хозяйственным механизмом вела к тому, что по мере развития и усложнения экономики усложнялся, наращивался, структурировался и партийный аппарат. Сетью парткомов охватывалось все большее и большее количество предприятий и организаций. Однако это отнюдь не облегчало решение поставленных задач, ведь представители партийно-хозяйственного аппарата и особенно партийные руководители разных уровней зачастую делали карьеру не по хозяйственным, а по партийным лестницам и были неглубокими специалистами в вопросах экономики. Под таким руководством в экономике неизбежно стали возникать перекосы. В итоге, как ни старались держать экономику под партийным контролем, ситуация вынуждала приспускать административные вожжи. И чем дальше, чем сложнее становилось производство и внутриэкономические связи, тем логичнее становилась передача прав распоряжения всем процессом чистым хозяйственникам. Командно-административный СССР логично пришел к косыгинским реформам, которые и сделали качественный скачок.

Из всех мер реформ для целей нашей беседы выделим хозяйственную самостоятельность предприятий и ключевое значение, которое придавалось прибыли и самостоятельному распоряжению ею. Напомним, что выше мы уже говорили, что право распоряжения прибылью – суть, добавочным производимым продуктом – фактически порождает квазичастную собственность. Более того, стимулируя предприятия таким обра-

зом, реформы фактически выводили их из-под административного управления, то есть нивелировали саму командно-административную систему.

Столбим: Командно-административная система, неспособная управлять усложняющимся хозяйственным механизмом, вынуждена была передавать права на это фактически частным лицам. Она сама порождает квазичастную собственность, то есть фактически сама себя отрицала.

Назревало фундаментальное системное противоречие. Оно затронуло базис – вопрос собственности, точнее говоря, механизмы управления ею. Но прежде чем и дальше углубиться в эту тему и рассмотреть это противоречие, покажем неизбежные политические последствия такого развития ситуации.

Противостояние рыночников и администраторов. 6-я статья конституции как попытка его разрешения

Разумеется, нарастающая утеря плановых принципов экономики не могла не вызывать опасение у сторонников социализма. Приспуская вожжи, партийные структуры тем не менее вынуждены были вмешиваться в хозяйственные дела предприятий, пытаясь «скрестить ужа с ежом» – плановые задания и хозрасчет (квазирынок). Началось скрытное противостояние набирающих силу адептов хозрасчетной экономики и партийно-хозяйственного аппарата, причем не в пользу последнего. Публикации о неуклюжести командно-административной системы, о перекосах, вызываемых императивным планированием стали регулярно появляться даже в центральной партийной печати. И в этом еще не виделось злого антисоветского умысла: ведь статьи писались в русле решения задачи обеспечения роста социалистической экономики. Среди экономистов почти в открытую начались разговоры о необходимости введения частной собственности.

Давление квазирыночников нарастало, и партийно-хозяйственному аппарату все труднее и труднее было этому противостоять. А в связи с тем, что такое давление все активнее шло через СМИ и общественное мнение, оно обрело по-

литический характер. Более того, и это самое главное, развивающиеся хозрасчетные отношения и нарастание количества субъектов таких отношений потребовали развития арбитражного права, и неизбежно (вынужденно, а не ради дружбы с Западом) был взят курс на правовое государство в целом. Впереди просматривалась ситуация, когда адепты рыночных методов начали бы судебное оспаривание любого вмешательства в дела предприятий, в том числе и партийного, ведь в законодательстве нигде не содержалось упоминания об обязательности решений партийных органов для хозяйствующих субъектов. На горизонте замаячил политико-правовой кризис.

И вот чтобы разрешить эту правовую коллизию, в 1977 году и было внесено изменение в Конституцию, которое единым пакетом с закреплением косыгинских реформ добавило и 6-ю статью о руководящей роли КПСС. Право партийных комитетов доминировать в делах предприятий и организаций обрело непререкаемую конституционную норму. Теперь партийные указания стало невозможно отменять судебным порядком.

Но это стало своеобразным признанием и того, что командно-административная система исчерпала возможности экономического соперничества с рыночной системой и теперь уцепилась за государственно-правовые рычаги. Опираясь на верховенство конституционного права, она железобетонно взялась за скелет экономики, полагая, что вот теперь-то, уже ничего не опасаясь, можно без оглядки наращивать на него рыночные мускулы. Однако это были не мускулы, а опухоль. Разрастаясь, она стала разъедать и сам скелет – плановую систему, которая и без того уже была перекошена неквалифицированным железобетонно-императивным управлением. Ломалась сбалансированность, разбухали дефициты и плодились другие негативные явления. С приходом к власти команды Горбачева состоялась окончательная капитуляция плановой экономики, выразившаяся в открытой и лавинообразной раздаче общенародной собственности по республиканским и частным карманам, о которой здесь уже было сказано.

Столбим: Появление 6-й статьи Конституции – это, с одной стороны, правовое следствие косыгинских реформ,

начавших движение к гражданско-правовому государству, желание выстроить систему права с верховенством партийной власти, но, с другой стороны, это фактическое признание экономического поражения командно-административной системы перед рыночной и попытка рамками правовой системы поставить терпящий поражение партийный аппарат в непререкаемое положение над хозяйственным.

Еще раз подчеркнем: без развития и расширения хозрасчетных отношений необходимости закреплении верховенства партии именно в Конституции не было бы – при функционировании экономики на планово-целевых принципах необходимость партийного руководства была само собой разумеющейся без какой-либо статьи в Конституции.

Однако остановить процесс рыночного разъедания экономического базиса оказалось не под силу надстроечному конституционному прессу командно-административной системы. Более того, командно-административная вертикаль сама стала лакомым куском для рыночной системы. Рынок начал проникать в партийно-чиновничьи кабинеты и головы.

Но был ли какой-либо иной, третий – неадминистративный и нерыночный путь?

Иные варианты: Цифровой

Здесь нельзя не упомянуть о возрождающемся сегодня интересе к идеям академика В. М. Глушкова [6], с 1962 года развивавшего программу тотальной информатизации экономических процессов с применением системы ОГАС, которая должна была базироваться на создававшейся Единой государственной сети вычислительных центров (ЕГС ВЦ). Идея красивая, но недавно математик и политтехнолог А. А. Вассерман показал, что в силу недостаточной развитости вычислительных мощностей стопроцентная цифровизация экономического планирования была в те годы невозможной и стала достижимой только в десятки годы двадцать первого века. Поэтому как альтернатива в шестидесятые годы она никак не могла быть принята. Но мы не стали бы приводить этот пример, если бы он

не стал вдруг набирать популярность у сторонников технократического социализма, которому пророчат будущее.

Возражая им, необходимо сказать, что безбрежные возможности глобального цифрового планирования, способного рассчитывать выпуск каждого единичного товара в огромнейшей стране, рано или поздно упрутся в то, что никакая оцифрованная система не в состоянии учесть завтрашнее желание каждого единичного жителя. Она может зафиксировать потребность в производстве товаров на текущую дату, от силы – на текущую неделю, но не более. Экономикой движет интерес. Машине он непосилен. А интерес, суммирующий желания миллионов, выливается в политику, ибо обнаруживаются вдруг, что суммарные интересы представителей одного слоя населения (или класса), мягко скажем, не совпадают с суммарными интересами слоя другого.

Кроме того, напомним адептам Глушкова, что в шестидесятых в недрах командно-административной системы родился слой, нацеленный на переход к капитализму и имевший в своих руках рычаги принятия государственных решений. Цифровизация экономики помешала бы их целям, поэтому они блокировали бы реформу академика. Противникам цифровизации помогла бы и другая часть партийно-административного аппарата – тех, кто хотя и были сторонниками социализма, но которых цифровизация могла оставить без дела, направив, а кого-то и вернув на инженерные и рабочие места.

Столбим: Суть реформы Глушкова – в оцифровывании вчерашних потребностей, она в принципе не могла просчитывать будущее структуры потребления. Но даже ее полезная, прогрессивная часть не была бы принята, и главную тормозящую роль в этом сыграла бы командно-административная система. Поэтому нам никуда не уйти от разбора этого ключевого порока советской действительности.

Иные варианты: Сталинский неадминистративный

Собственно говоря, зерна вышеуказанных проблем стали прорастать задолго до их появления. Еще Ленин обратил вни-

мание на специфическую проблему правящей партии – на притягательность ее преимущественного положения для карьеристов и нечистых на руку людей. Как мы теперь знаем, позднее эта оборотная сторона партийного руководства экономикой создала почву для губительных перекосов командно-административной системы. Еще не ведая, с каким монстром он начал борьбу, Сталин взялся за решение указанной Лениным проблемы. Пройдя все методы партийного руководства народным хозяйством вплоть до жестких в годы войны, Сталин дошел до понимания необходимости снятия с партии функции прямого управления экономикой. В ведение компартии должны были остаться только кадровая и идеологическая работа.

Вот так мягко, без потрясений и конституционных реформ, в порядке решения частной задачи, поставленной еще Лениным, – прополкой на корню проблемы, еще не видевшейся глобальной. Последователями Сталина сразу после его смерти в закреплении этого положения были сделаны конкретные шаги: были урезаны полномочия, зарплаты и льготы партийных руководителей, началась перестройка партийного аппарата.

Столбим: вопреки распространенному мнению Сталин был противником прямого партийно-административного управления социалистической экономикой. Суть сталинской реформы заключалась в демонтаже командно-административной системы в ее зародыше.

Однако сталинские реформы были сразу же свёрнуты Хрущевым. Зарплаты и льготы партийным руководителям были возвращены. А об освобождении партийного аппарата от функций хозяйственного руководства речи даже не шло.

Столбим: Командно-административная система получила мощный импульс именно в результате отказа от сталинских реформы партии. Многие аналитики видят причину отказа в нежелании партийных бонзов лишаться постов и роскошной жизни, однако корень проблемы был гораздо глубже. Речь идет не об отдельных функциях партии и амбициях отдельных ее руководителей, а о закостеневшем на уровне начала двадцатых годов понимании статусной роли компартии в социалистическом обществе. Ведь, казалось бы, уводя партию от

непосредственного управления экономикой, отдавая последнюю на откуп беспартийным специалистам, Сталин чуть ли не возвращал страну в досоциалистическое состояние, по крайней мере, сам шел в том же направлении, куда скатывалась затем командно-административная система, – к косыгинскому хозрасчету.

Но сталинская идея была не столь прямолинейна: она заходила к решению глобального исторического вопроса с иной – формационно новой, неожиданной для «традиционной» социально-экономической теории стороны.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОГО МИРА

Невиданный в Истории феномен – наемный класс как новый формационный собственник

Обратимся к специфике советского общества двадцатых и тридцатых годов. Тогда в стране в массовом порядке стало появляться такое невиданное прежде в мире явление, как трудовой энтузиазм – стахановское движение, соцсоревнования, подвижники, новаторы и прочие. Это был невозможный при капитализме феномен. У рабочих начал проявляться нематериальный интерес к труду. Это был осознанный труд, мотивом повышения производительности становилась не прибыль, а осознание ответственности за производимый для страны продукт.

Вспомним, как впервые в мире рабочие организовали безвозмездный субботник (сами!), и с каким ликованием Ленин встретил их инициативу, концептуально назвав субботники коммунистическими [7]. Следующим фактором, рожденным в рабочей среде в эти годы, стало соревнование. Здесь большевикам увиделась отличная замена капиталистической конкуренции. Последующее стахановское движение вообще предстало триумфом нового отношения к труду и, скажем больше, показалось окончательным закреплением у рабочих чувства ответственного хозяина народной собственности.

Большевики по примеру парижских коммунаров ввели на предприятиях рабочий контроль, но сами российские пролетарии пошли дальше – не только через народный контроль, но именно через хозяйское отношение к труду рабочие стали заявлять себя хозяевами доставшихся им цехов и заводов. Рабочие творили новый тип отношений в экономике, причем творили сами! Ведь никакими директивами сверху ни субботники, ни производственное соревнование, ни стахановский труд, ни, тем более, хозяйское отношение к формально не принадлежащей тебе собственности не родишь.

И, самое главное, все инициативы рабочих носили коллективистский характер. Невозможно представить субботник из одного и даже двух человек. Выйти на такое дело можно было только по договоренности и солидарно. Рабочие относились к доставшимся им цехам и заводам не как традиционные индивидуальные собственники, а солидаризировано, то есть, как единый класс. Именно класс! И именно по-хозяйски! Большевики, вершившие революцию по книжкам Маркса и даже не мечтавшие увидеть в отсталом по европейским меркам российском рабочем классе хозяина бывшей буржуазной собственности, этот феномен увидели. На глазах всего мира рождалось невиданное в мировой истории явление, не предсказывавшееся даже самими марксистами, – рабочий класс становился новым системным, формационным собственником. И самое главное – становился сам!

Социализм – это творчество масс! Так однажды высказался об этом Ленин, и именно это проявление у рабочих признаков нового собственника увиделось Сталину в те годы. И именно от этого он отталкивался, закладывая свои политические реформы.

Столбим: В социалистической экономике рабочий класс творил новый тип отношений и становился новым собственником средств производства – не номинальным, а реальным, формационным. Именно на этом феномене базировались сталинские реформы.

Здесь необходимо отступление. Как бы убедительно не рассказывать о рабочем классе, как новом формационном соб-

ственнике, нам, сегодняшним, трудно представить себе феномен чувства собственника для рабочего человека как единичной частички класса. Не дает это сделать отторжение на подсознательном уровне дискредитированных системой идеологических пропагандистских штампов. И все же попробуем. Без такого мировоззренческого отступления невозможно будет в принципе двинуться в нашем анализе дальше. Необходимо представить себе, что мы могли бы иметь, не случись отказа от сталинской модели. Хотя бы в идеале.

Идеал

Итак, Рабочий приходит на работу, идет к Станку и внутренне говорит себе: «Этот Станок Мой! Разумеется, он принадлежит Государству, но он Мой – ведь отвечаю за Него только Я! Я берегу Его от поломок, ухаживаю за Ним, совершенствую Его, я творю на Нем. Выпускаемые на Станке Детали принадлежат Государству, но это Мои Детали – ведь только Я обеспечиваю Их качество и совершенство! Я делаю их как Свои, как для Себя».

Для коллектива рабочих Цеха – это Их Цех.

Для коллектива рабочих Завода – это Их Завод.

Для рабочего Класса в целом Индустрия Государства – это Его Индустрия.

Рабочий, как Класс, выпускает промышленную Продукцию как для Себя, хотя и Станок, и Цех, и Завод, и Индустрия, и выпускаемый Продукт принадлежат Государству, а, значит, всему Обществу.

Сегодня такие рассуждения вызывают усмешку. Однако в годы встающего на ноги социализма они действительно прорастали. От них веяло необычной новизной, свежестью и притягательностью. Новой романтикой! И идеал казался достижимым! Показательных примеров для этого хватало.

Столбим: Всякое революционное преобразование общества есть движение к идеалу. Без романтики оно невозможно. «Делаю для всех – значит, делаю как для себя!». Не было бы всего этого – не было бы социализма вообще.

Однако позже – после десятилетий дискредитации социализма командно-административной системой – все это стало неестественным. И потому очень важно понять, как такое идеализированное хозяйское восприятие общенародной собственности могло бы стать реальной альтернативой рыночным механизмам (глубинным фундаментом сталинских реформ) уже не на уровне станка, цеха, завода, а в масштабе всей экономики – макромасштабе.

Рабоче-классовая альтернатива и ее объективная узость

Забегая вперед, отметим, что целью косыгинских реформ называлось решение вопросов стимулирования работы отдельных предприятий, повышение производительности труда через заинтересованность в прибыли. Но поставьте здесь вместо слова «прибыль» упомянутое выше выражение «продукт как для себя» и вы получите совсем иную модель! Да, именно продукт «как для себя» во всей его полноте (станок-цех-предприятие-индустрия) мог стать бы мотивом – тем самым мотивом, который впоследствии косыгинская реформа заменила на прибыль. И не возникло бы главной проблемы командно-административной системы «скрещивания ужа с ужом» – прибыли с централизованным планированием. Если мотив-как-прибыль не давал стыковать интересы отдельных производителей с госпланом, поскольку задачей госплана был все-таки продукт, то рабоче-классовый мотив-как-продукт был совместимым с сутью планирования.

На этом моменте надо поставить отдельный акцент: как видим, роль рабочего класса в этом феномене являлась бы ключевой. Главным действующим лицом (носителем мотива) становился рабочий, причем рабочий как класс – с обязательными признаками класса, как нового собственника. Его мотив (продукт, как для себя) имел бы четко выраженный формационный характер – стал бы определяющим признаком, сутью социалистической формации.

В принципе, это и есть та тонкая на тот момент нить, за которую Сталин хотел ухватиться. Нить действительно была

очень тонка – образно выражаясь, физически тонка. Из-за объективно неравномерного развития экономики не везде могли появляться новые формационные качества рабочего класса. Там, где примитивнее труд, – слабее чувство его значимости. Там, где примитивнее производимый продукт, – слабее чувство ответственности за него. А чем меньше предприятия, тем слабее ощущение сопричастности к большому классу. Вмешивался и субъективный фактор: например, нередко движение ударников дискредитировалось – когда для получения стахановских рекордов умышленно или по неумению искусственно создавались более выгодные условия для работы: выделялось лучшее оборудование, подсобные работники и т.д.

Все эти перекосы требовалось аккуратно, терпеливо и, прямо скажем, виртуозно преодолевать, избавляться от показушничества, а реальные полезные примеры повсеместно распространять. Надо было расширять тонкую нить, надо было вносить в те рабочие коллективы, где новый подход еще не находил места, новое понимание значимости труда и ответственное отношение к нему, прививать им чувство собственника народного достояния. Вот какие реформы требовались социалистической экономике!

Столбим: Суть сталинской экономической модели – продукт, как главный мотив. Косыгинская реформа мотивом делала прибыль. Планирование по сути своей совместимо только с продуктом, а несовместимость его с прибылью рано или поздно привела бы к перекосам в экономике. Классовый фактор (чувство классового собственника) был ориентирован именно на продукт и был определяющим в сталинском варианте, однако неравномерность развития экономики сужала его поле. Новое чувство классового собственника необходимо было распространять и прививать.

Однако почему впоследствии «продукт как для себя» заменили «прибылью»? Да, это объяснили всеобщим падением энтузиазма и незаинтересованностью в высокопроизводительном труде, но почему новое отношение не закрепилось, почему рабочие уже не выпускали продукт Как Для Себя? Не случайно ли новый фактор исчез спустя десятилетие после смерти Ста-

лина? Может не случайно это произошло в результате сворачивания сталинских реформ? – Именно политических?

И вот здесь можно логично переходить к разговору о партии. Ту реформу экономики, расширяющую тонкую нить классового самосознания, невозможно было провести без партии, точнее говоря, партии сталинского типа. Суть той широкой повсеместной идеологической (пропагандистской) работы, которой, по мнению Сталина, и должна была в первую очередь заняться компартия и есть в распространении и пропаганде нового чувства классового собственника.

Миссия компартии и суть ее идеологической работы в условиях социализма

Глобальная историческая миссия коммунистической партии виделась в поднятии рабочего класса на ступеньку выше – в воспитании классового собственника, или, скажем глубже, – в воспитании Нового Типа классового самосознания. Да, это был новый тип, новый уровень классового самосознания. Если до революции марксисты видели признаком классового самосознания рабочих понимание ими своей исторической миссии освобождения труда из-под гнета капитала, то теперь классовое самосознание должно было подняться еще на ступеньку выше – теперь у рабочих должно было возвращаться чувство хозяина производимого общественного продукта.

В перспективе, когда производство должно будет неизбежно усложняться, когда это должно будет приводить к новым внутривы производственным отношениям, чувство хозяина должно будет побуждать рабочих активно подключаться и к принятию управленческих решений на производстве. Ведь усложнение и увеличение производства неизбежно ведет к отдалению руководства предприятия от понимания условий низовых уровней организации производства (грубо говоря, к тому, например, как оптимально организовать рабочее место станочника, небольшого участка и даже конвейерного производства), и мнение станочника при принятии управленческих производственных решений становится принципиально важным.

А это уже следующая – управленческая (пусть и частичная, консолидированная) – ступень. Роль рабочего класса должна была постоянно возрастать, и, соответственно, классовое самосознание рабочих должно было подниматься на все более и более высокие уровни, требуя, в свою очередь, поднятия на новые уровни и партийной идеологической работы.

Столбим: Глобально-исторической миссией коммунистической партии в социалистическом обществе становилось формирование и расширение в рабочем классе нового типа классового самосознания.

Еще раз подчеркнем, сама суть рабочего класса при социализме дополнялась его собственническим отношением к средствам производства и производимому продукту, а это требует одного очень важного теоретического уточнения.

Новое содержание ленинской формулы

Строго говоря, общественные классы были определены Лениным, как «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определённой системе общественного производства, по их отношению (большей частью закреплённому и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают» [7]. Обратим внимание на фразу в скобках: «большей частью закреплённому и оформленному в законах». В случае буржуазного государства – это узаконенное государством разделение на собственников и наемных работников, рассматривающее наемных работников, как абстрагированное мускульное дополнение к средствам производства (т.н. «запускающие шестеренки»). В принципе, для капиталистического общества эта «большая часть» исчерпывающа: кроме как «запускающей шестеренкой» рабочий не мог быть никем.

Иное дело при социализме. За рабочим классом также формально не закрепляется собственность на средства производства, но в понятии отношения к средствам производства все

большую роль начинает играть «меньшая часть», а именно новый субъективный фактор – чувство сопричастности к собственности, ответственность хозяина, которые, действительно, никакими законами некрепишь и не оформишь. Если быть точнее, субъективный фактор был и при капитализме, однако выражался он скорее в обратном – негативном отношении к средствам производства. Вспомним восстания против машин: для рабочих средства производства в иных случаях становились конкурентами их мускульной силе. В условиях же социализма это отношение позитивно и все более и более значимо. То есть, в ленинском определении класса (которое было выведено на основе анализа антагонистического классового общества) в условиях нового общества все большую роль начинает играть субъективный фактор отношения класса к средствам производства – наряду с формализовано-законодательным еще и социально-ответственный. (Добавим: по мере развития социализма соотношение значимости формального и неформального в отношении к средствам производства у рабочего класса должно меняться в сторону последнего – «большее» и «меньшее» по своей значимости должно меняться местами).

Отражение феномена нового собственника в социалистической науке

В 1948 году вышла свет работа академика, юриста и экономиста Анатолия Викторовича Венедиктова «Государственная социалистическая собственность» [8], отмеченная сталинской премией. Сегодня модно говорить об отсутствии социалистической экономической науки, тем более что государственное управление экономикой к годам перестройки пришло к перекосам и гигантским проблемам. Однако совершенно забыто, что в сталинский период она активно развивалась. Страна осуществляла индустриальный рывок, и стоит задуматься над тем, был ли он возможен без экономической науки.

Было бы поверхностным считать, что осуществить рывок, позволивший за десять лет наверстать то, что капстраны проходили столетиями, возможно было кавалерийской атакой, ко-

миссарским револьвером и лозунгами. Формировалась стройная и продуманная система управления экономикой. Возводились тысячи новых предприятий, и все они без проблем встраивались в единый хозяйственный организм, мы не знаем примеров критических перекосов, сбоев, бардака, которые неизбежны были бы, если бы все это не делалось с умом, в том числе большой армией новых социалистических экономистов, юристов, ученых.

Приведем пример с эффективно заработавшей налоговой системой, когда введенный высокий налог с оборота, который похоронил бы любую капиталистическую экономику (и, кстати, цивилизованно покончил с НЭПом,строив предприятия нэпманов в систему социалистической кооперации и трестов), идеально пришелся к централизованной социалистической системе, а именно стал мощнейшим стимулом к снижению себестоимости продукции. Ведь высокая стоимость продукции приводила к денежному росту оборота и, соответственно, к большим налогам, а это вынуждало тресты и предприятия находить способы снижения цен. Регулярные сталинские снижения цен – это не пропагандистские акции, а отражение действительных процессов в социалистической экономике. Напомним, что косыгинский упор на прибыль, напротив, приводил к накруткам вала и заинтересованности выпускать как можно более дороговую и нелепо громоздкую продукцию.

В работах академика Венедиктова подробнейшим образом была описана социалистическая трехуровневая хозяйственная структура (предприятие-трест-синдикат), определена нормативная база социализма, юридические аспекты и так далее. Сегодня, набирая в поисковике интернета работу Венедиктова «Государственная социалистическая собственность», постоянно сталкиваешься с уточнением, что речь идет не о социалистической экономике вообще, а только о ее сталинском периоде. Собственно говоря, тем самым идет вымывание понятия, ведь послесталинская экономика, включившая в себя капиталистические элементы, собственно социалистической быть перестала – это была уже экономика скатывания в капитализм.

То есть, именно сталинскую экономику и можно назвать единственно социалистической.

Столбим: Вопреки разговорам об отсутствии науки о социалистической экономике она развивалась и все годы при жизни Сталина шла в ногу со становлением новой формации. Ее достижения и выводы органично вписывались в ткань народного хозяйства, поднимая его на новый формационный уровень, обеспечивая преимущество социалистической системы над капиталистической.

Неудивительно, что после 1957 года, когда одним ударом была разбита сталинская, действительно социалистическая структура хозяйственного механизма, работы Венедиктова были забыты, причем настолько, что их не вспоминают даже в руководстве КПРФ. Кого угодно называют, но не Венедиктова. На недавно прошедшей научно-практической конференции, приуроченной к 140-летию Сталина, ни разу не упомянулась суть его экономической модели. Говорилось лишь о цифрах и достижениях социализма, но ни разу о развивавшейся экономической и юридической науке. А ведь коммунистам после прихода к власти, чтобы не тыкаться, как слепым котяткам, крайне важно будет открыть те труды, и одними из первых – работы Анатолия Венедиктова.

Возвращаясь к вопросу о классовом содержании социалистических преобразований и роли нового собственнического феномена у рабочего класса, обратим внимание на одну идею в упомянутой работе Венедиктова «Государственная социалистическая собственность». Выстраивая правовые механизмы регулирования социалистической экономикой, Венедиктов пишет, что понятие социалистического госпредприятия как органа непосредственного оперативного управления государственным имуществом не может быть сведено к понятию его администрации (дирекции), а должно включать организованный государством коллектив рабочих и служащих, выполняющих во главе со своим руководителем возложенный на предприятие отрезок единого государственного плана.

Академик признается, что еще в 1928 году он не учитывал этот фактор, пытаясь по инерции внедрять буржуазную трак-

товку в понятие советского юридического лица. Почему произошло такое «прозрение», академик не пишет, но сегодня мы можем сказать, что это не было преодолением теоретической ошибки, а связано с обратным влиянием бурного роста экономики, количественного и качественного роста рабочего класса, который стал весомо заявлять себя именно как субъект социалистической собственности.

Грубый пример для пояснения: в 1919 году рабочие вышли на работу в выходной день и безвозмездно отремонтировали четыре локомотива. Если на этот эпизод смотреть с точки зрения буржуазной экономической науки, то непонятно, откуда появились эти четыре локомотива – с нулевой себестоимостью! (Если быть скрупулезно точным – с себестоимостью металлолома). Такое в бухгалтерию буржуазной экономики не укладывается. Но вот появился фактор рабочего класса как ответственного собственника, и ученым-экономистам пришлось корректировать экономическую науку, которая должна теперь учитывать появляющиеся «ниоткуда» лишние локомотивы, кубометры, тонны, станки, самолеты и танки.

Столбим: Существенным содержанием науки о социалистической экономике было признание и учет фактора нового формационного собственника в лице рабочего класса. Новая наука принимала его во внимание как в учете рабочего класса в схеме принятия управленческих решений (новом определении юрлица госпредприятия), так и по итогу: в приращенных показателях экономики.

Теперь мы можем выстроить сталинскую модель государства. Для этого повторим и дополним описанную выше схему нового типа рабочего классового самосознания, ибо она ляжет в основу нового строя.

Сталинская модель классового государства при социализме (схематично)

Итак: Для рабочего Станок – это Его Станок, для рабочих Цеха – это Их Цех. Для рабочих всего Завода – это Их Завод. А это невозможно без рабочей консолидации, без коллек-

тивного, классового участия рабочих в делах управления Заводом. И в целом для Класса Государство – это Его Государство, и управляет Он Им через большинство в Советах (которые, кстати, напомним, тоже были изобретены когда-то самими рабочими).

А где в этой схеме Коммунистическая Партия, которую, как мы помним, Сталин предлагал освободить от хозяйственно-управленческих функций? – Она в Классе! Она Его неотъемлемая Часть. Она занимается идеологией и теорией – она ум Класса! Без Нее Класс слеп, он теряет чувство консолидированного Собственника. Коммунистическая Партия занимается кадрами, то есть она – руки Класса! Она не управляет Хозяйством напрямую. То есть, если кто-то из членов партии работает в Правительстве, то появиться он там может только как Спец и функционально работает, как Спец, а не как представитель и функционер партийной структуры. Правительство и в целом Исполнительная система (Спецы) руководимы Советами, и вот уже через них (составляя в них большинство) Класс и Партия выполняют свою функциональную руководящую роль.

Вот такой представлялась модель социалистического государства сталинской команде. Не возникало нужды прибегать к рыночным стимулам и механизмам (кстати, не надо это путать с материальными стимулами, премированием, когда вознаграждение получалось по труду). Точнее говоря, рыночные стимулы были возможны и даже объективно необходимы, но только там, где рабочий класс еще не мог проявить себя в полную силу как класс-собственник – где производство было малочисленным, носило подсобный, кустарный характер и т.п. То есть, в целом, рыночные стимулы и механизмы не должны были играть ведущей роли. Поэтому Сталин и допускал сосуществование в экономике социалистических и товарно-денежных отношений и при этом не беспокоился за социализм в целом, поскольку крупная, ключевая для экономики собственность все равно оставалась в руках наиболее крупных и ответственных отрядов рабочего класса. А распространение социалистических отношений в неохваченные крупным производством сферы

виделось через развитие и расширение идеологической партийной работы – через расширение пропаганды и агитации.

Дополним: вся совокупность такой работы партии в условиях вносящихся в свою очередь требовала постоянного изучения и глубокого теоретического осмысления (напомним путь А. В. Венедиктова от 1928 до 1949 года). Теория становилась неотъемлемой частью идеологической работы партии в понимании Сталина и его команды.

Подводя черту под разделом, столбим: Суть сталинской партийно-государственной модели в том, что партия стоит не над государством, а управляет государством, исключительно из среды рабочего класса – ведущего собственника общественных средств производства и ведущей политической силы в системе Советов (порожденной им же самим).

Однако, как мы знаем, эта историческая модель не реализовалась. И не в силу ее идеализированности и слабости. Сменивший Сталина на посту руководителя партии Хрущев перенес акцент партийной работы с идеологической работы в рабочей массе на хозяйственно-управленческие методы. Сосредоточившись на командно-административных методах, партия не просто стала недорабатывать в идеологическом плане, но переставала в полной мере выполнять свою историческую миссию воспитания нового собственника.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. КОМАНДНО-АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПУТЬ – НЕИЗБЕЖНАЯ ВОЙНА С РАБОЧИМ КЛАССОМ

Деклассирование

Приведу крайне показательный для нашего обсуждения эпизод из фильма «Москва слезам не верит». Там во время телевизионной съемки на заводе девушка-наладчик вдруг заговорила в камеру о плохой организации труда наладчиков. Помним, как всполошился ее начальник – ее выступление вышло из-под контроля. В этом эпизоде выразилась суть системной коллизии. Разве она не говорила о проблемах организации тру-

да своему начальству раньше? – Видно, что говорила! И видно, что от ее замечаний отмахивались. Встает вопрос: «Почему к голосу рабочего не прислушивались?» – Да потому, что его влияние на принятие управленческих производственных решений (даже когда это крайне необходимо) командно-административной системой в принципе не предусмотрено. Просто нет в ее арсенале механизмов управленческого участия рабочих.

Нередко командно-административные методы управления сопоставляют с армейскими. В строгой иерархии и подчинении видят суть и даже пользу командно-административной экономики, кивая на то, что благодаря ей страна сумела выиграть Великую Отечественную войну. Однако перевод рабочего в категорию солдата на деле деклассирует его. Ведь солдаты и рабочие – это функционально разные категории управляемых людей. Если от солдат действительно требуется точное и беспрекословное выполнение приказов, то рабочий на своем рабочем месте должен быть ответственным исполнителем, творцом и, главное, хозяином. Не являясь юридическим собственником своего станка, рабочий функционально выполняет свои обязанности именно как его собственник.

Командно-административной системе, построенной на армейских принципах, концептуально мешало собственническое отношение рабочих к средствам производства и уж тем более вытекающее отсюда его участие в управленческих решениях (какая же тогда это командная система?). Но, как видим, при этом рабочий класс перестает быть полноценным классом – это солдатская, а точнее сказать, аморфная масса. Ею не движет классовый интерес собственника, она безразлична к качеству своего труда, готова продаваться и перепродаваться работодателю, готова менять профиль деятельности, вообще покидать рабочую среду, уходя в иные сферы деятельности.

Конфронтация

Еще раз вернемся к приведенному эпизоду из фильма. Собственно говоря, в нем отражена конфликтная ситуация. Можно

быть уверенным, что к голосу рабочего не просто не прислушались, но его ждал конфликтный разбор у руководства за выступление перед телекамерой. Налицо конфронтация – часто даже не скрываемая. Данный раздел неспроста назван «Война с рабочим классом». Именно она отражена в приведенном эпизоде из фильма, отражена так, как реально развернулась на производстве вообще. Собственническое отношение рабочего к его же рабочему месту, цеху, заводу подавлялось, причем открыто, конфронтационно. Можно говорить о том, что это была не война пустых амбиций, это война с рабочим классом за право управления собственностью, логично впоследствии перешедшая в войну за саму собственность.

Столбим: Командно-административная система развернула войну с рабочим классом, которая выражалась в деклассировании рабочих. Она начала бить в самую суть нового классового самосознания рабочих – в собственническое отношение к средствам производства.

А где партия?

Административный централизм и деидеологизация

И тут в развитие темы логично возникает более глубокий вопрос, который авторы фильма вообще не решились бы поднять, но который необходим: «Если к рабочему не прислушивается начальник цеха, где тогда партийная организация на заводе? Почему в развернувшейся конфронтации она не встала рядом с рабочим? Почему рабочий остался один на один с враждебной ему системой?» – Потому что партийная организация в соответствии с хрущевской генеральной линией ушла в высокие управленческие кабинеты. Там она неизбежно встала на другую сторону конфликта. Выстраивая командно-административную систему, партия не могла не занять ее сторону.

Однако все коммунисты ведь не могут заседать в парткомах, кто-то должен работать в цехах, почему тогда рядом с девушкой-наладчиком не оказалось какого-либо рядового коммуниста? – Потому что, выстраивая командно-административную систему, партия не могла сама не выстроиться по типу

структуры командно-административной системы. Она сама стала строиться по армейскому принципу, где рядовой партиец – только исполнитель, а управленческие решения – прерогатива исключительно высоких партийных руководителей. Грубо говоря, заступившегося за девушку-наладчика партийца ждал бы точно такой же разбор в партийном комитете. А занятие стороны командно-административной системы в сути своей есть деидеологизация партийца-коммуниста.

Деидеологизация не пускает партийца стать в конфликте на сторону рабочего, она ставит стену между членством в партии и членством в рабочем коллективе (обобщенно – в классе). Суть деидеологизации коммуниста выражается в том, что он отстраняется от своей главной задачи и миссии – нести в рабочие коллективы идеологию хозяина. Вся партийность сводится лишь к поддержке выработанных в парткомах решений, посещению собраний и уплате членских взносов.

Как это ни покажется странным, но наиболее выпукло та «болезнь» КПСС стала видна на наследнице КПСС – крупнейшей коммунистической партии России – КПРФ. Да и, собственно, любой другой партии на политической арене в РФ («Какую бы мы сегодня партию не строили, у нас получается КПСС»). Старая «болезнь» выражается в том, что понимание рядовой партийности нередко сводится к тому же посещению партийных собраний и уплате членских взносов. Конечно, теперь сюда добавляются еще и участие в выборных компаниях, пикетах, демонстрациях и т.п., но только не работа (для коммунистов) непосредственно в рабочих коллективах. Впрочем, более подробно о нынешней сверхзадаче партии поговорим в конце данной беседы. Здесь же не будем разрывать текущую нить рассуждений. Вернемся к проблемам начавшейся деидеологизации КПСС.

Разворот идеологии

Перейдем к одному принципиальному уточнению: идеологическая работа партии не оказалась на втором месте после хозяйственной, а скажем так: она не ушла на второе место, она

осталась на первом (!), но осталась иной, трансформированной – идеологией разделения на «хозяина» и «исполнителя» («директора» и «рабочего»). Командно-административной системе чужда (на деле, а не на словах) ключевая составляющая коммунистической идеологии – та, которая признает в рабочем хозяина. А идеология «хозяина-директора и исполнителя-рабочего» – это практическое смыкание с идеологией «господина и работника» (т. е. буржуазной).

Здесь в пору вспомнить слова Ленина, что вакуум коммунистической идеологии обязательно заполнится идеологией буржуазной. Собственно говоря, это и произошло. Ряд коммунистических тезисов были сохранены – а именно те, что оказались удобными для командно-административной системы. Те же, что нельзя было переиначить, например, принципиальное положение о рабочем, как хозяине заводов и фабрик, были выхолощены и превращены в пустозвонство. Представление о коммунистическом отношении к труду свелось к солдатски-безусловному (это называлось: «сознательному») выполнению планов и заданий, вырабатываемых в высоких кабинетах.

А по-другому и быть не могло: «брошюры» и тезисы коммунистической идеологии заставили служить идеологии «хозяина и исполнителя». Ключевой же тезис – о правящей роли коммунистической партии в социалистическом строительстве – был изуверски перевернут, превратившись в культ новых и старых вождей – генеральных, областных и местных, возвеличивание, славословие, сотворение культовых пропагандистских лозунгов, и, наконец, в 6-ю статью Конституции. Мы говорили уже о хозяйственно-правовом значении 6-й статьи Конституции. Теперь добавим еще одну ее грань – идеологическую. Обратим внимание, что политическое лидерство объявлено за партией, а не за классом, а, учитывая, что в партии тоже произошло расслоение по вертикали, то это ознаменовало триумф идеологии «хозяина и исполнителя» – буржуазной идеологии. Неспроста после ее узаконивания начинаются стремительный обвал социализма и кризисные явления не только в экономике, но и во всех сферах жизни.

Столбим: Подчинение партии задачам командно-административной системы – это, по сути, деидеологизация партии и ее членов. Более того, выдвижение на первый план в партийной работе хозяйственных функций – это не просто отодвигание на второй план идеологической работы, это разворот идеологии и внедрение иной – идеологии «хозяина и исполнителя», по своей сути буржуазной.

Итог войны с рабочим классом

Выше, когда мы рассматривали причины возникшей необходимости перехода на косыгинскую реформу, мы ставили вопрос, не существует ли связи между отказом от сталинских партийно-политических реформ и потерей экономического мотива «продукт как для себя»? Там же мы писали, что поиски нового мотива, приведшие к косыгинской реформе, начались десятилетие спустя после смерти Сталина. Теперь можем сопоставить — весь этот период разворачивалась война с рабочим классом, велось его деклассирование. Теряя же в рабочем классового собственника средств производства, социалистическая система теряла и свой формационный экономический мотив – производство продукта «как для себя». В итоге заговорили о потере энтузиазма тридцатых годов, но как теперь мы видим, само по себе явление «социалистический энтузиазм» означает не пустой эмоционально-киношный порыв, а есть производное от собственнического, хозяйского отношения к средствам производства – станкам, цехам, предприятиям, стране.

После десятилетия войны с рабочим классом и логичной потери ведущего рабоче-классового мотива руководители системы неизбежно оказались перед необходимостью поиска иного мотива, и нашли его в стремлении к наживе и торгашеству, научнообразно назвав это стремлением к прибыли и логично открыв дорогу к скатыванию в капитализм.

Была обрушена и идеологическая работа партии в рабочих коллективах. Рабочие на интуитивном уровне начали ощущать, что из коммунистической идеологии стали лепить буржуазную, более того, ощутили развернувшуюся против своего клас-

са войну, и, в конце концов, стали воспринимать всю идеологическую партийную работу как нечто чуждое себе, как нечто классово враждебное.

Так идеологическая работа партии, которая должна была возвышать рабочих как собственников народного достояния и потому органично впитываться и приветствоваться ими, стала как раз рабочими и отторгаться. Результатом неприятия идеологии, точнее говоря, извращенной и буржуазной по сути идеологии, стало отторжение на подсознательном уровне всего того, что хоть как-то связывалось с этим словом. А в целом в общество на плечах деидеологизации стала вторгаться уже прямая буржуазная идеология – как бы «не идеология вовсе», а всего лишь «рассуждения» о преимуществах частной собственности, либеральных свобод, буржуазных «ценностей» и порочности социалистических социальных гарантий.

Столбим: Результатом борьбы командно-административной системы с рабочим классом стали подавление чувства собственника средств производства и вместе с этим потеря принципиально важного для социалистической формации рабоче-классового экономического мотива — «продукта как для себя». Все это осуществлялось на фоне полной дискредитации понятия «идеология».

ЧАСТЬ ПЯТАЯ, КОРОТКАЯ, О ПЕРЕСТРОЙКЕ

«Если не Путин, то кто?»

Качели командно-административной системы

Нет, конечно, не о Путине пойдет речь. Эта фраза, вынесенная в заголовок, позволит сегодняшнему жителю России психологически яснее понять драму последних спокойных лет советской власти. Все семидесятые годы она звучала, как «Если не Брежнев, то кто?». Над ним смеялись, о нем рассказывали анекдоты, но он был несменяемым. Командно-административная система так крепко бетонировала власть в руках первых руководителей, что замена любого из них оказывалась невозможной даже при падении его авторитета. Но если

каждого нижестоящего «первого» все-таки мог сменить вышестоящий руководитель, то генеральный секретарь, не имея над собой никого, оказывался фактически неприкасаемым.

Случившиеся к 1985 году подряд несколько смертей Генеральных секретарей ЦК КПСС сделали очевидным для всех, что командно-административная система заходит в тупик. Слишком наглядно проявила себя ее некомплементарность выбору «первых» («Если не /этот/, то кто?»). Командно-административная система могла обновлять высших правителей только через их похороны, причем следующим кандидатом был опять наистарейший, система фатально перерождалась в геронтократию. Назначение Горбачева было нелегким для системы шагом – ведь власть, попадая к молодым, миновала многих из тех, кто ее «заслужил». В обществе же это было воспринято, как удар по командно-административной системе.

А теперь три немаловажных момента. Первое: в принципе, удар по системе был нанесен уже не впервые. Предыдущим мощным системным ударом и тоже сверху можно считать снятие Хрущева. Тогда ударили по самой очевидной и дичайшей отрыжке командной системы – волюнтаризму. Все последующие секретари такого практически себе не позволяли.

Второе: оба удара были нанесены не по сути системы, а по ее последствиям, причем один порок «гасился» вознесением другого. Так, ударив по геронтократии, воскресили хрущевский порок – волюнтаризм (теперь уже горбачевский), и наоборот – предыдущий удар по волюнтаризму неотвратимо катил систему в геронтократию. Получались качели, которые держались на оси, остающейся неизменной.

И третье: удары наносились по верхушке айсберга. На всех нижестоящих структурных уровнях (областных, городских, сельских) сохранялись как волюнтаризм, так и, одновременно, формула «Если не /этот/, то кто?», создавая повсюду гремучую смесь. Эта гремучая смесь впоследствии перевалила через формационный переворот, породив ту трагедию, о которой говорилось чуть выше: «Если не Путин, то кто?» – мы имеем фактически полную несменяемость верховной власти при ее полном волюнтаризме (без всяких качелей).

Вместе с тем видно, что при социализме командно-административная система, хоть и через качели, но все-таки была способна к самоочищению. Это было возможно благодаря сосуществованию и борьбе разных тенденций в обществе и самой структуре командно-административной системы. Отнюдь не одни враги социализма возрождали идеологию «хозяина» и разворачивали системную войну с рабочим классом. Ведь не из вражеских побуждений начальник девушки-наладчицы в приведенном эпизоде из фильма «Москва слезам не верит» затыкал ей рот. Он тоже бился за социалистическое производство, но делал это так, как понимал сам. Рано или поздно адептам системы становились очевидны ее пороки, и, если в основе их мировоззрений лежало «социализм-коммунизм-светлое будущее», они оказывались способными идти на слом собственных стереотипов. Так и произошло в случае Перестройки.

Столбим: Командно-административная система не была застывшим образованием, она развивалась в борьбе со своими собственными последствиями, подобно качелям. И залогом ее движения было то, что в самой ее структуре существовали и боролись разные тенденции.

Суть Перестройки

Новое руководство объявило о задачах ускорения развития экономики, условием чего была названа борьба с системной закостенелостью. А условием перемен могла стать широкая дискуссия в обществе. Логика ускорения и перестройки вывела на гласность. Известная сегодня гласность, как синоним исторических разоблачений, на самом деле разворачивалась вначале совсем в другом контексте – вроде уже долго действовавшего и так же закостеневшего «прожектора» народного контроля на производстве.

Здесь уже писалось о том, что пиком политической части Перестройки была борьба против шестой статьи Конституции о руководящей роли КПСС. Но напомним такой факт: первые месяцы после прихода Горбачева и объявления им курса на

Ускорение и Перестройку компартия испытала всплеск приема новых членов. Общество с воодушевлением восприняло Перестройку, увидев в ней, в первую очередь, борьбу партии против командно-административной системы. Поначалу борьба не велась против КПСС, людям увиделось, что именно обновленная с приходом Горбачева КПСС может возглавить процесс слома этой системы. Однако, увы, поскольку борьба велась только с ее издержками, то она тоже стала заходить в тупик.

Возьмем в качестве характерного примера провалившуюся затею с выборами директоров предприятий. Этим хотели обновить директорский корпус, который вдруг увиделся главным тормозом перестройке, и, одновременно, как бы замышлялось поднять на высокий уровень внутризаводскую демократию. Однако именно в этом и проявилось неправильное понимание социалистической демократии. Выборы заканчивались, на высокие должности попадали бездари, и становилось ясно, что дело не в выборах. Демократия на предприятии заключается не в том, чтобы выбирать директоров, а в том, чтобы иметь механизмы текущего рабочего влияния на них, причем на любых директоров (ведь не боги горшки обжигают) и в любое время. Механизмы рабочего влияния! – Вот что осталось за рамками внимания. Однако напомним, выше тут говорилось, что последнее одновременно является и проявлением собственнического признака у рабочего класса. Но этого не было, это было давно уже разгромлено, извращено и осмеяно, как кондовый пропагандистский примитивизм двадцатых и тридцатых годов, и поэтому об этом не вспомнили.

Вот так в самый критический момент нашей истории сказались долгие десятилетия подавления рабоче-классовой идеологии и теоретической работы, не позволившие увидеть, что суть командно-административной системы – классовая, что надо было не на директорском корпусе концентрировать внимание, а на рабочем классе, поднимать уровень его реального участия в повседневной управленческой работе.

Как бы ни обновляли директоров и региональных партийных руководителей, новые опять попадали в действующую схему командно-административной системы, в их руках были

только ее механизмы, а, значит, все попытки «ускорить и перестроить» ничем не заканчивались. Ситуация требовала политического решения, логика вела к разбору истоков командно-административной системы, что неминуемо заставило бы обратиться к сталинским идеям и методам избавления от нее, однако вместо этого на щит было поднято диаметрально противоположное – хрущевский антисталинизм. Командно-административную систему увязали с перевернутыми представлениями о якобы сталинских методах правления, и антисталинская логика неотвратимо привела к сваливанию вины на коммунистическую идеологию и на КПСС в целом. Политический тренд Перестройки был развернут на отождествление командно-административной системы с системой партийного руководства и, соответственно, с 6-й статьей Конституции.

Столбим: Перестройка началась сверху, была делом компартии, и ее целью был слом командно-административной системы. Однако она велась с непониманием сути системы, чем воспользовались противники социализма, развернув ее против самой начавшей перемены КПСС.

Роковая ошибка в выборе исторической аналогии

Выше здесь говорилось о том, что одной из роковых ошибок было введение института президентства. Однако вспомним и инструмент, каким это было сделано, – Съезд народных депутатов СССР. Казалось бы, введением нового высшего органа – Съезда народных депутатов и наделением его абсолютно всеми управленческими полномочиями обошли «закостеневший» Верховный Совет. Ведь, вроде была и историческая аналогия – в 1917 году аналогичную роль в становлении новой власти выполнил Съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Но названием похожесть органов и заканчивается. Непонимание это явилось результатом пренебрежения марксистско-ленинской теорией. Точнее говоря, непониманием того, что, в отличие от перестроечного высшего органа 1989 года, в 1917 году Съезд Советов избирался не напрямую, а из представителей местных и губернских Советов. Прямыми

выборами избирался как раз его антипод, орган – буржуазный по сути – Учредительное Собрание, которое, как мы знаем, по своему составу объективно оказалось реакционным. Вот и сейчас под названием «Съезд» оказалось завуалировано то самое «Собрание» с абсолютно теми же принципами формирования, тем же реакционным составом и теми же результатами.

Несколько слов, в чем выражается реакционность такой формы, чем принципиально отличается Учредительное Собрание от Съезда Советов. На съезд Советов съезжают работающие представители работающих органов. В Учредительном Собрании депутат представляет абстрактных избирателей, проголосовавших за его программу, то есть представляет свою как бы победившую программу и в конечном итоге – просто сам себя. При этом он не работает в низовом властном органе, предметно обеспечивающем жизнедеятельность какого-либо города или поселения. Он не знает, как зарабатывается хлеб, точнее говоря, как органы власти ведут работу по обеспечению людей хлебом. Депутат связан с населением только через свои индивидуальные приемные, куда люди идут со своими личными проблемами, как на поклон. Он видит себя вершителем судеб, а не рабочей лошадкой.

Эта психология особости (элитарности) проникает в Учредительное Собрание (и горбачевский Съезд депутатов), депутаты принимают решения, не понимая, как те будут реализовываться в жизни. И неслучайно, что именно Съезд народных депутатов (так и хочется слово «народных» взять в кавычки!) принял разгромные для страны решения. Он как бы показал, что стало бы со страной в 1918 году, останься власть в руках Учредительного Собрания.

Столбим: «Без теории нам смерть!» Слова Сталина оказались пророческими. Завершающую черту Перестройке подвели Съезды народных депутатов СССР и РСФСР, которые формировались в глубоком противоречии с ленинской теорией – а именно как кальки буржуазного Учредительного Собрания 1917 года. Неслучайно они приняли разгромные для страны антисоциалистические решения.

**ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. 1993 ГОД.
ЗАВЕРШЕНИЕ ФОРМАЦИОННОГО ПЕРЕВОРОТА**

Криминально-либеральный мятеж

В декабре 1991 года было подписано трагическое для нашей судьбы Беловежское Соглашение, завершившее эпопею событий 91-го года, однако мало кто знает, что оно до сих пор так и не вступило в силу. Дело в том, что по действующей на тот момент Конституции РСФСР ратифицировать его мог только Съезд народных депутатов России. А на нем для ратификации устойчиво не хватало голосов. Страна вступила в затяжной этап противостояния, который завершился 4 октября 1993 года танковым расстрелом Верховного Совета.

Этот этап можно характеризовать как период тесного переплетения двух России. Одна – та, что затеяла Перестройку для улучшения социализма, другая, которой Перестройка нужна была для перехода на капиталистические рельсы. Первая Россия стояла на прочном фундаменте еще социалистической Конституции, другая не имела своей Конституции, но имела широкие полномочия президентской власти. Эти полномочия позволили резко взвинтить темп капиталистических реформ. Страна испытала шоковую терапию, непредсказуемо для всех взлетели розничные цены, экономика испытала глубокий спад, форсировано велось перераспределение собственности, все это бросило подавляющую часть населения за грань нищеты. Первоначальный капитал «малиновых пиджаков» накапливался демонстративно криминально, хамски, вне рамок законности.

В итоге тот самый депутатский корпус, который в свое время провозгласил Декларацию независимости и избирал Ельцина председателем Верховного Совета, который принимал программу приватизации и дал Президенту широкие полномочия, теперь вдруг осознал, что не за то боролись. Депутатский корпус встал на сторону первой – социалистической России. Конституция давала в руки депутатов достаточные инструменты для выправления ситуации. А та зашла настолько глубоко, что необходимо было начинать с политических решений. По-

этому депутаты фактически начали атаку на гайдаровское правительство и Президента. В апреле 1992 года им удастся сместить гайдаровский кабинет.

Со своей стороны, «Президент другой России» Ельцин настойчиво пытается внести изменения в Конституцию, объявляет о конституционном кризисе, инициирует манипулятивные референдумы о доверии гайдаровским реформам и принятии своей Конституции, собирает конституционное совещание, на котором затыкает рот всем своим оппонентам (его прислужники не дают выступить Хасбулатову и грубой физической силой выталкивают из зала автора социалистического варианта Конституции Слободкина).

Однако, даже разработав и приняв на конституционном совещании свой проект Конституции и получив в ходе манипулятивного референдума «согласие» россиян на новую Конституцию, Ельцин был не в силах преодолеть депутатское противодействие. Более того, и это оказалось решающим, в ходе противостояния наконец-то определились со своей позицией региональные руководители. Они отказались поддержать Ельцина. Как итог – в марте 1993 года Съезд лишает Президента дополнительных полномочий и урезает имеющиеся.

Депутаты настроены на импичмент Ельцину, который, согласно прогнозам аналитиков, имел все шансы состояться к декабрю 1993 года. Ситуация медленно, но верно шла к выдыханию буржуазной параллели России – наворовавшимся предстояло отвечать перед законом. В этих условиях иначе как через неконституционный, насильственный слом сопротивления депутатов ельцинская команда взять власть в свои руки не могла. И дальнейшее развитие событий дает основания полагать, что именно такой сценарий и был приведен в действие.

21 сентября 1993 года Президентом параллельной России Ельциным принят Указ «О поэтапной конституционной реформе», который предписывал приостановить деятельность Верховного Совета и прекратить полномочия народных депутатов РФ [9]. Верховный Совет отказался подчиниться этому Указу, Конституционный суд признал Указ не соответствующим Конституции и дающим основание для отрешения Прези-

дента от должности, что и было тут же сделано Верховным Советом. На следующий день собрался Съезд народных депутатов. Еще через несколько дней Белый дом был оцеплен милицией и внутренними войсками. К Белому дому начали стихийно подтягиваться тысячи его защитников. При посредничестве церкви прошли переговоры противоборствующих сторон, которые завершились принятием протокола о поэтапном «снятии остроты противостояния», состоялось совещание представителей 62 регионов, которые фактически встали на сторону Верховного Совета и предложили провести одновременные досрочные выборы народных депутатов и Президента России.

Как видим, даже на открыто конфронтационном витке ситуация продолжала склоняться против Ельцина. Ни в спокойной, ни в конфронтационной ситуации он ничего не мог сделать. Армия в его руках становилась бесполезной. Ведь, казалось бы, чего ему стоило сразу взять штурмом беззащитный Белый дом? Однако военные не смогли бы сделать ни одного выстрела – ведь это была советская армия. (Напомним, что в августе 1991 года армия не решилась на стрельбу, а в 1993-м, когда 3 октября началась реальная пальба на улицах, Грачев решился отдать приказ на огонь из танковых орудий по Белому дому, только вытребовав личное распоряжение Ельцина). Низложенного президента могло спасти только опускание противной стороны до его плинтусового уровня. Это и произошло.

Руководители Верховного Совета раздали депутатскому корпусу совершенно бессмысленные автоматика и организовали штурмики московской мэрии и Останкино. В игрушечную войну против силовых структур втянулись и уличные радикальные левопатриотические организации. Уважаемые мной Трудовой Фронт, РКРП и различные патриотические организации вплоть до неуважаемых откровенно фашистских в самый сложный момент вдруг объявили о начале восстания. Это игрушечное «восстание» обернулось кровью сотен самых настоящих живых людей и переворотом.

Подошла пора столбить выводы, но рука не поднимается это делать. Пальцы набивают на клавиатуре Трагедию. Не легкий текст выходит на монитор, а тяжелый и мрачный. И уже не

хочется играть в игры со столблением. Представьте себе, в 1941 году немцы взяли бы таки Москву и начали бы из орудий крушить Кремль. И пришлось бы тогда описывать, как в красных кирпичных стенах появляются дыры от рвущихся снарядов, как проседают, заваливаются и рушатся башни Кремля, как под ржание и гыкающие восторги чужеземной лающей речи падают на брусчатку и разбиваются огромные рубиновые звезды... Тя-же-ло... В сентябре-октябре 1993 года людей в Москве убивали просто так. Снайперы расстреляли попытку организовать живое кольцо вокруг Белого Дома. Стреляли по движущимся теням в окна московских квартир. *(Из воспоминаний москвичей: Девушка подходит к окну, родители ей кричат: «Отойди, опасно!» – «Ну что вы, мама!? Я с краешку. Недолго...» И падает...)*

Зная финал трагедии 1993 года, задаешь себе вопрос: а, собственно говоря, как оно вылепилось – это вселенское зло? Откуда взялось? И, напрягая волю, чтобы вернуться-таки к сухому отстраненному анализу, вновь приходишь к горькой констатации: будь Ельцин не Президентом, а Председателем Верховного Совета – никакой стрельбы и танков на своих улицах Москва бы не увидела, ведь сам «царь Борис» сидел бы в Белом доме, точнее говоря, занимал бы Кремль вместе с Верховным Советом. А прокручивая все события начала девяностых, можно с уверенностью добавить, что не было бы также никакой шоковой терапии и криминальной приватизации – все издевательства исполнительной власти гасились бы на сессиях Верховного Совета. Причиной трагедии и сотней смертей, как ни крути, опять стало введение президентской формы правления. Да, за введение этого поста проголосовал народ на референдуме, но инициативу-то проявили депутаты (на этот раз не КПСС!). Ну зачем?! Не поставь они на референдум вопрос – никому бы в голову не пришло за такое голосовать!

Копаем еще глубже – в депутатские мотивы – и видим, что введение президентской формы правления для них – вольных художников, не работающих в Советах, – это естественное продолжение их личной самости, это шаг по выведению первого лица государства из-под коллективного депутатского кон-

троля. Это высшее проявление идеологии безответственной элитарности, естественное для них – ведь они точно так же сами (повторим еще раз) представляли в верховном органе власти не избравших их людей, а свои предвыборные программы, то есть, в конечном итоге, – всего лишь самих себя. Президентская форма – это отрывка «учредилловской» сути Съезда депутатов, высшее выражение такой псевдо-, а точнее говоря, антидемократии.

И наконец, откручивая еще немного назад, заглядывая в самый корень, и вспоминая, как под вывеской Съезда народных депутатов фактически вылепили Учредительное Собрание, волей-неволей опять приходишь к выводам о грубейшем попрании теории – том самым попрании, которое стало следствием пренебрежения идеологической работой. «Без теории нам смерть!» – и страна, наконец, ее увидела.

Самоубийственный эпатаж «Учредилловки»

Сегодня, издали, одним из спасительных ходов видится принятое Новосибирским областным Советом решение пригласить Съезд народных депутатов продолжить свою работу в этом городе. По крайней мере, это вывело бы Съезд из-под танкового расстрела и ареста депутатов. С точки зрения международного права работающий в региональном центре Съезд все равно оставался бы единственным легитимным органом высшей власти в России. Он мог проводить заседания и выпускать крайне необходимые для страны высшие решения. Но для переезда требовалась политическая воля руководства Съезда или Верховного Совета. Увы, ее не оказалось.

Выше в этой статье при разборе ситуации, развивавшейся в стране, начиная с тридцатых сталинских годов и до перестройки, был применен классово-партийный анализ. Классовый анализ истории позволяет избегать огромного количества разнонаправленных частных, не тонуть в субъективных оценках и личностях и потому является строго научным. Попробуем его инструментариум воспользоваться и сейчас.

Уже было сказано, что с партийно-классовых позиций Съезд народных депутатов СССР можно рассматривать как реинкарнацию эссеровско-меньшевистского Учредительного Собрания. То же самое можно сказать и о Съезде народных депутатов РСФСР. Так называемые независимые депутаты, выбранные в период антикоммунистического шабаша конца восьмидесятых, – суть выдвиженцы и производная от декласированной и сбитой с толку буржуазной идеологией толпы. Неслучайно в руководство Верховного Совета РСФСР были избраны по сути антикоммунисты. Они не желали возрождения социализма и потому в критический момент последних дней сентября 1993 года, когда до них вдруг дошло, что без Ельцина капиталистические реформы могут быть свернуты, они предсказуемо дали задний ход – приняли тактику переговоров с отрешенным ими же Ельциным.

Далее, в бесформенно-беспартийном корпусе «народных» депутатов Съезда, состоящем из амбициозных личностей, на ведущие роли могли выбиться лишь самые амбициозные. Их наполеоновски-люмпенские замашки вылились в эпатажное руководство толпой, которая вдруг сама пришла к ним. Да, к ним собрались защитники Белого Дома, движимые лучшими намерениями, но с балкона Белого Дома собравшиеся увиделись лишь послушной толпой, которую можно использовать для давления на переговорах. Тем более что подогрев толпы призывами к эпическому «восстанию» требовал выхлопа. Ведь просто стоять – это не восстание. Нужно было что-то грандиозное. Отсюда и «громовержские» речи с балкона Белого Дома, и бросание людей на игрушечные, бессмысленные штурмы.

Чтобы не быть голословным, обратим внимание на такую деталь: Руцкой призвал штурмовать мэрию. Он до сих пор (спустя четверть века) оправдывает этот призыв тем, что надо было захватить спрятавшихся в мэрии неизвестных личностей, обстрелявших шествие. Вспомним, однако, что Руцкой в тот момент официально значился в должности и.о. президента. И вообразим такую ситуацию: в каком-либо городе, в каком-либо из зданий засели вооруженные преступники. Кого власти города должны послать на захват и нейтрализацию этих лиц? –

Уличную толпу? Или органы охраны правопорядка? Да, милиция отказывалась признать Руцкого президентом, но даже в этом случае на сигнал о вооруженных людях, спрятавшихся в мэрии, она должна была отреагировать, и в любом случае нельзя посылать туда просто горожан. Спрашивается, что это за президент, который принимает решения совсем не правового характера? Вот вам наглядно беда парламентской власти, когда она оказывается в руках «независимых», политически люмпенизированных личностей, и на деле мелкобуржуазной.

Восстание ли это было?

Однако определимся максимально досконально в высказанном здесь упреке в «игрушечности» поднятого защитниками Белого Дома восстания – а именно, можно ли было называть такое народное выступление восстанием? Ведь что есть восстание? Это выступление масс против действующей власти. Люди вышли против режима Ельцина, но на тот момент Ельцин уже был отрешен от должности и не был властью. Он был простым москвичом Борисом Николаевичем. Властью был заседавший в Белом Доме Верховный Совет и проводившийся там же Съезд народных депутатов. Можно ли назвать восстанием выступление против какого-нибудь москвича, какого-нибудь Ивана Петровича? Как это ни парадоксально звучит, но назвав выступление москвичей «восстанием», «восставшие» сами как бы подспудно «от лица народа» признали легитимность «Ивана Петровича» на высшем посту и верховенство его указиков над решениями Верховного Совета.

Да, Съезду требовались народная защита и поддержка, он работал в трудных условиях, без света и воды, но работал. Так назовите же свое выступление не восстанием, а поддержкой единственно законного на тот момент органа власти! Тогда всему миру Ельцин был бы выпукло обозначен как мятежник! И тогда у военных не было бы морального основания подчиняться его приказам. У того же Грачева – советского генерала – даже не повернулся бы язык выпрашивать распоряжение Ельцина на стрельбу по Белому дому. Гораздо мудрее оказались

регионы. Они начали оказывать реальную поддержку Советскому органу власти. Еще раз подчеркнем, время все равно работало на Верховный Совет.

В этих условиях требовалось именно спокойствие и поддержка, чтобы хотя бы дать возможность представителям регионов – огромной России – собраться, именно в этих условиях как раз нельзя было устраивать уличные волнения. Время, еще раз подчеркнем, тягуче капало за Верховный Совет. Именно потому к спокойствию и призвал Зюганов, обрисовавший в своем телевыступлении ситуацию достаточно широко – не в узких рамках Москвы, а страны в целом [10]. Он сказал о поддержке регионов, о готовящемся судьбоносном совещании. Увы, это его выступление до сих пор спекулятивно преподносится как предательское. Но лишь в одном можно корить Зюганова – опоздал! Московские события октября 1993 года уже не подчинялись долгоиграющим тенденциям.

Улицу захлестнула эйфория. Машина провокаций заработала куда быстрее, и черная отметина неотвратимой смерти уже лежала на еще живых москвичках. Даже без уличных волнений, штурмов мэрии и Останкино провокаторы все равно открыли бы стрельбу. Да, собственно, она уже и велась – как писалось выше – по демонстрантам и окнам. Стрельбу все равно приписали бы защитникам Верховного Совета (зря что-ли раздали им автоматики?). Разыгрывался сценарий оранжевой революции, а от нее тогда еще не существовало противоядия. «Якобы восстание» стало предлогом – пугающей мир картинкой и явно спланированным эпизодом в этом сценарии, хотя и не определяющим.

Уличная борьба – не значит классовая

В связи с этим необходимо по-классовому взглянуть и на поднявшие «восстание» Трудовой Фронт, РКРП и множество других мелких коммунистических партий. Они позиционируют себя как организации классового типа – партии рабочего класса. Но разве они вывели на улицы отряды рабочих крупных московских предприятий? Эти партии отвергают парламента-

ризм и делают упор на уличные формы борьбы. Однако если на улицы выходят не организованные отряды рабочих, а все, кто откликнется, то в собранной толпе оказываются и приветствуются все кто угодно. Это идеальная среда для провокаторов – бесформенная и по своей сути политически маргинальная антирабочая толпа. Даже если в нее вкрапились сознательные рабочие.

Можно ли просто рабочего, пришедшего с улицы, считать представителем рабочего класса? Нет! В этом случае он просто горожанин. Он только тогда представитель рабочего класса, когда идет с классом. В этом, кстати, крупнейшая ошибка советской пропаганды, идеализировавшей рабочего человека тем, что изображала его мудрым, сознательным и примерным везде где угодно – на работе, дома за обеденным столом, на рыбалке, на школьном утреннике. Его классовые признаки – не в какой-то особенности, непостижимой для интеллигентов высоты, они в коллективистском созвучии, слитности с рабочим коллективом, единении, сплоченности, классовой солидарности. Эти качества категорично могут возникать только в рабочей среде – в цеху, либо, если речь заходит об улицах, – в организованных колоннах вышедших на улицы рабочих коллективов. (Грубо говоря, на заводе ты рабочий класс, а на улице, если ты сам по себе, – просто гражданин).

Толпа, состоящая просто из горожан, во главе которых любят шествовать со своими знаменами Трудовой Фронт и иже с ними, это не рабочая, а мелкобуржуазная толпа. Организованные рабочие колонны, руководимые и построенные хотя бы теми же партийцами из РКРП, где все строго свои, не допустили бы к себе неизвестных личностей, не поддались бы на призывы непонятно кого к провокационным действиям. Именно на них опирались бы реальные организации и партии, позиционирующие себя выразителями интересов рабочего класса. Но вместо этого у Белого дома собралась бесформенная неклассовая толпа, которую попытались оседлать и левые, и фашисты, которая вообще-то пришла стать живым кольцом вокруг Белого дома, но которую послали штурмовать мэрию и Останкино.

Запоздалый ответ советской командно-административной системы

Как видим в предыдущем раскладе, единственная сила, которая на тот момент могла реально отстоять Советскую власть, – это руководители регионов. Съезд «народных депутатов» продемонстрировал свою мелкобуржуазную бесхребетность, улица – маргинальную суть, так называемые «несистемные» левые – полную политическую слепоту. Напомним, что главный посыл выступления Зюганова – регионы, он призывал не помешать уличными волнениями собраться совещанию регионов. Однако огромная махина не успела развернуться.

А теперь обратите внимание на немаловажное обстоятельство: намеревавшиеся собраться и защитить Советскую власть руководители субъектов Федерации – это ведь неразбитые остатки номенклатуры еще советской командно-административной системы – той самой номенклатуры, которая с одной стороны подвела социализм к потрясениям, но которая в контексте противостояния президентскому произволу вдруг стала последним оплотом советского строя. Вот так неожиданно проявила себя ее двоякость. Добавим сюда, что если бы горбачевский Съезд народных депутатов формировался не по схеме «Учредительного собрания», а из представителей региональных и местных Советов, то это был бы принципиально другой Съезд.

Немного позже этот же неразбитый еще административный остов советского строя сформировал так называемый «красный пояс» из регионов, где у власти стояли «красные» губернаторы. Он даже нарастал при Ельцине, и только Путину с его чекистско-олигархической командой удалось распылить и уничтожить «красный пояс» и сделать губернаторский слой уже своей опорой. И, кстати, губернаторские выборы осенью 2018 года показали, насколько, оказывается, важен для режима этот уровень власти. Ведь до тех пор нам думалось, что режим будет зубами держаться за три вещи: президентский пост, телевидение и образование. Теперь к этому добавился и губернаторский корпус. Его потери режим боится подобно смерти.

Вообще для такой гигантской страны при любой системе ее остов – регионы. Каково бы ни было значение столицы для политических процессов в стране, как бы ни твердили, что все революции делаются в столицах, но потеря региональных руководителей для любого российского режима – это крах. В этом, кстати, и загадка становления командно-административной системы при Хрущеве. Именно на регионах, а не на верхушечной партийной борьбе она выкристаллизовалась. Именно региональные секретари раскручивали маховик репрессий, они же затем сняли сталинскую команду, продолжившую сталинскую партийную реформу. Командно-административная система формировала основу строя – скелетную вертикаль, структуру, кадры и даже создала свою религию.

Однако не будем углубляться в новую обширную тему. Нельзя в одной статье объять необъятное, главное – показать, что она являлась остовом не только строя, но и страны во всей полноте ее жизни. И после переворота 1991 года, в принципе, как многогранный и живой остов никуда деться не могла.

Глубинный ответ советского наследия

Подытоживая весь период короткого противостояния, хотелось бы обратить внимание на три очень важных момента.

Первый. Как и в случае СССР, роковую роль сыграла президентская форма правления – на этот раз кровавую роль.

Второй важный момент: охранная роль, которую, несмотря на проигрыш, все же сыграли социалистическая Конституция и Советская власть. Это очень важно понимать, чтобы отметить все разговоры о якобы конституционном кризисе. Никакого конституционного кризиса не было. Высший закон страны работал. Все решения по отрешению Ельцина от должности, принятые после 21 сентября 1993 года, были приняты именно благодаря Конституции, то есть строго в правовом поле, и поэтому все тогдашние и последующие действия главного экспоната нынешнего ельцин-центра, рядового гражданина Бориса Николаевича, повлекшие массовую гибель людей, должны рассматриваться как уголовное преступление. Думается, что Суд

Истории, да и не только он, но и какой-нибудь московский районный суд еще вынесут такой вердикт.

И, наконец, третий – главный – момент: менять государственный строй не хотел сам народ – тот самый народ, который в конце 80-х выступил против 6-й статьи Конституции, который молча прореагировал на запрет компартии и фактически лишил страну гаранта социалистической системы. Он вышел на защиту. Говорят, что не вышел. Вышел! Причем речь идет даже не столько о собравшихся живым кольцом вокруг Белого Дома москвичихах. 83 субъекта Российской Федерации из 86 выступили против Указа Ельцина о роспуске Съезда и Верховного Совета. О прозрении депутатов хоть и куцей, но, хотя бы по названию – Советской власти выше уже сказано.

Пробуждалось то глубокое советское наследие, которое копилось в людях десятилетиями Советской системы. Да, выше говорилось о провале идеологической работы КПСС, о потере ориентиров у рабочего класса, но падение не было всеохватывающим. Социалистическое воспитание подспудно все равно шло. Да, в стране главенствовала идеология командно-административной системы, которая по сути своей была буржуазной, но одновременно воспитывал и строящийся социализм. Воспитывали даже закостеневающие лозунги и затасканные штампы. Чувство социалистического собственника проникало через особую социально-распределительную систему, ставшую отличительным признаком социализма. Кроме того, в системе уже работал прообраз коммунистического типа распределения – мощные социальные гарантии, бесплатный доступ к жизненно важным услугам.

Если партия недорабатывала в социалистическом воспитании рабочих, как ответственных хозяев народного достояния, то многие доходили до этого самостоятельно, воздействием самой социалистической действительности. Были действительно искренние ударники, были хорошо воспринимаемые населением субботники, были сознательные творцы новых отношений. После капиталистических реформ первых девяностых у людей это проснулось. Они стали подниматься на защиту социалистических ценностей. И не случись в критический мо-

мент 3 октября 1993 года провокаций со штурмами московской мэрии и Останкино, не появившись у Ельцина повода для расстрела Белого Дома, история страны могла снова вернуться в свое магистральное русло.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РЕВАНШ СОВЕТСКОЙ КОМАНДНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ

Электоральный тренд девяностых годов. 1996 год. Было ли предательство?

Перемолотив сторонников советской системы и продавив на исходе 1993 года принятие капиталистической конституции, ельцинский режим погрузил страну в вакханалию криминального беспредела. Оголтелый антикоммунизм стал отличительной чертой воцарившейся атмосферы. Казалось бы – всё! Коммунистам даже приподняться не дадут! Однако изумленному миру вдруг предстала такая картина: в девяностых годах в стране стал наблюдаться постепенный рост голосов за КППРФ – начиная с 12 процентов в 1993 году и до почти половины голосов избирателей в 1996 году. Ельцинский режим неожиданно снова, как и в критические дни 1993 года, проигрывал. В самые-то благоприятные для себя годы! Он сдавал позиции от выборов к выборам, и в 1996 году на выборах президента России вдруг наступило равновесие – кандидат от КППРФ набрал почти равное количество голосов! [11]

До сих пор вокруг этого строятся спекулятивные обвинения Зюганову – на основании предположений, что на самом деле он набрал более половины голосов, ему строятся обвинения в предательстве. Председателя КППРФ упрекают в боязни гражданской войны, которая непременно развернулась бы в 1996 году, если бы он объявил о своей победе и вывел на улицы своих сторонников.

Но до войны дело бы не дошло. И даже не потому, что в столице был многократный перевес сторонников Ельцина – людей, еще живших рыночными иллюзиями, а потому, что не

уличные активисты мерялись бы силами – на стороне режима встала бы регулярная армия – страж правящего класса. Кем бы велась война с противоположной стороны? Бессистемной уличной толпой! Выше мы уже писали, что, как показали октябрьские дни 1993 года, уличная толпа – это самая благоприятная среда для провокаторов. В итоге 1996 год закончился бы не войной, а многократно увеличенной по сравнению с 1993 годом кровавой баней.

В связи с этим еще раз напомним об электоральном тренде девяностых годов, о росте голосов, отдаваемых за компартию. Стоило ли идти на риск тысяч смертей, если уже на следующих после 1996 года выборах Зюганов мог бескровно получить значительный перевес в голосах? Теоретически это означало, что, действительно, стоило проявить выдержку и, не дергаясь, методично додавить ситуацию без уличных обострений.

И все же... признаемся себе, это могло случиться только теоретически. Даже крупно проиграв, ельцинский режим не отдал бы власть. КПРФ, как просто партия, не смогла бы взять власть. Даже при поддержке улицы. Задачу такого системного уровня, как взятие власти, могла решить только большая системная сила – такая, как большой системный класс.

Здесь необходимо опять отвлечься в историю, чтобы этот ключевой аспект принципиальной важности участия большого системного класса рассмотреть досконально.

Власть и класс

Власть на Земле не от бога, а от класса! Не партия и кучка революционеров – не царь, не бог и не герой берут и держат в своих руках власть, а класс. Оглянитесь для примера на нынешнюю Россию: реальная власть не у Путина и не «Единой России», а у крупной буржуазии. Президент не раз это подтверждал, когда декларировал недопустимость пересмотра итогов криминальной приватизации 90-х годов. Равнозначной же силой на стороне КПРФ мог бы быть рабочий класс. И это определяющий момент 1996 года – в политических перипетиях рабочий класс не участвовал.

Однако не всем видится очевидным весомость участия рабочего класса на стороне компартии, тем более что, например, Октябрьская революция предстает исключительно как заслуга небольшой группы революционеров во главе с Лениным – маленькой, но боевой партии – просто партии. Казалось бы, стань Зюганов вторым Лениным, залезь на броневик, и...

Покажем, однако, что и Великая Октябрьская социалистическая революция – это в чистом виде классовая, Пролетарская революция.

Еще немного истории. Что такое пролетарская революция

Зададимся вопросом, разве смогла бы кучка большевиков взять власть в 1917 году (даже хотя бы взять, а не только удерживать), если бы не рабочий класс? Штурмом Зимнего непосредственно руководил Военно-революционный комитет. Напомним, что он был создан Петроградским Советом – выборным органом питерских пролетариев. Армейские подразделения столицы, осуществившие штурм, подчинялись тому же Петроградскому Совету. И не осуществи рабочие в июле 1917 года своими голосами большевизации Советов – не был бы ВРК большевистским, и питерский военный гарнизон подчинялся бы эсерам и меньшевикам. То есть без рабочих у большевиков не было бы ни органа, руководившего восстанием, ни сил для осуществления переворота.

Далее, переворот должен был быть легитимизирован высшим органом страны, чтобы остальная Россия приняла бы его как законный. На тот момент в России было два высших органа: представительный – Съезд Советов и исполнительный – Временное правительство. Известно, что по статусу исполнительный орган стоит ниже представительного. Временное правительство так и было создано: совместно депутатами Петровета и Государственной Думы, и называлось оно временным потому, что главная его задача состояла в том, чтобы собрать Учредительное Собрание и передать ему власть, чего оно упорно не делало. Править страной, по большому счету, не входило в его полномочия.

Госдума в сентябре 1917 года прекратила свое существование, и, таким образом, собравшийся в октябрьские дни Съезд Советов оказался в России единственным оставшимся, как в пустыне, общероссийским высшим представительным органом власти. (Ведь заметил же кто-то тогда, что верховная власть в России была брошена всеми – валялась на земле, и большевики ее просто подобрали). Съезд Советов и узаконил низложение Временного правительства. Но напомним, Съезд Советов – это ведь тоже орган, избранный российскими пролетариями (опять мощная рука пролетариата).

Далее, революция могла бы и не удержаться, повторив финал Парижской Коммуны, если бы по России не прокатилось триумфальное шествие Советской власти – рабочий класс стал повсюду создавать Советы, и большевистская власть охватила всю страну, получив реальную материальную и моральную поддержку во всех ее уголках. Вот почему Октябрьскую революцию по всей полноте произошедших событий можно назвать пролетарской, классовой.

Продолжаем столбить: Великая Октябрьская социалистическая революция – самый показательный пример классовой революции. Несмотря на установившееся представление об исключительной роли партии большевиков и лично Ленина, она не смогла бы одержать победу, если бы в ней не принимал участие практически весь рабочий класс России.

Столбим еще один вывод: рабочий класс взял тогда власть системно. – Голосованиями! Голосованием был избран большевистский Петроградский Совет. Голосованиями избирались делегаты Съезда Советов. Голосованием они же узаконили взятие Зимнего. Голосованиями избирались многочисленные Советы в городах, ставшие опорой новому строю. Класс, как класс, категорично осуществляет свою миссию только системно, только через демократические процедуры – через поднятые в голосованиях руки рабочих.

Неравная борьба

Вернемся в 1996 год. Итак, разбор ситуации неизбежно выводит нас на классовый анализ – теперь уже к выборным делам девяностых, нулевых и десятых. Начиная с 1993 года КПРФ ведет неравную борьбу: она – только партия, а борется с классом. Это категорично неравная борьба. Показательно, что, начиная с нулевых, КПРФ берет на выборах 10-20% голосов избирателей — примерно столько же, сколько берут компартии западных стран – просто партии.

Столбим: В 1996 году и позже КПРФ сама по себе в принципе не могла взять власть, поскольку, будучи партией, она боролась с классом. Формационный переворот в состоянии осуществить только класс. Однако и здесь все было не так одномерно. Имело место и одно нестыкующееся с этим обстоятельство: на КПРФ работал какой-то особый фактор, позволявший просто партии, бившейся с большим классом, из года в год все же наращивать голоса на выборах.

Особый фактор

Разбор причин этой тенденции, не вяжущейся с электро-ральными особенностями буржуазных выборов, особенно с учетом оголтелого антикоммунизма и антисоветизма девяностых, выводит на одну принципиальную специфику тех лет – на наличие «красного пояса» [12]. Добавим, что и кроме ярко выраженных «красных регионов» в стране было довольно много губернаторов, мэров, глав, председателей Советов разных уровней, которые строго в «красный пояс» не входили, но были еще остатками советской партноменклатуры и неявно симпатизировали противникам Ельцина. Необходимо сказать и об огромном количестве «красных директоров», порой демонстративно стоявших на коммунистических позициях.

Все это существенно тормозило как антикоммунистическую пропаганду во многих регионах, так и, самое главное, использование против КПРФ административного ресурса. Кто-то даже, наоборот, включал административный ресурс за коммунистов: например, несмотря на законодательный запрет по-

литической работы на предприятиях, немало директоров пу-
скали в цеха агитаторов-коммунистов, которые проводили там
полноценные предвыборные митинги. В немалой степени ус-
пех Зюганова и КПРФ в те годы был обусловлен именно этим –
погашением действующих против коммунистов администра-
тивного и пропагандистского ресурсов.

Пришедшей на смену Ельцину путинской чекистско-
олигархической команде, как уже упоминалось выше, удалось
переломить красную тенденцию. Считается, что она сделала
это, выправив экономическую ситуацию в стране, однако на
самом деле она просто вычистила «красный пояс» и, обанкро-
тив огромное количество предприятий, точно вымыла из
экономики «красных директоров». Разгром «красного пояса»
(читай – остатков советской командно-административной но-
менклатуры) включил административный и пропагандистский
ресурсы буржуазного режима на полную мощь и существенно
обрушил показатели КПРФ на выборах. Все последующие го-
ды тот электоральный успех, который был у КПРФ в девяно-
стных годах, уже не повторился. Компартия даже не приближа-
лась к тем почти победным показателям. (Сегодняшние точеч-
ные победы на выборах мэров и губернаторов, к сожалению, не
системны и стоят отдельного разговора).

А теперь внимание! Теперь мы готовы разглядеть классо-
вую суть командно-административной системы. Предлагаем
внимательно прочесть следующую главу, поскольку это тот
случай, когда научное (или близкое к таковому) определение
помогает понять и описываемые события, и последующий их
ход вплоть до сегодняшнего дня и будущей перспективы.

Классовое определение командно-административной системы

Еще раз упомянем, что решающую роль в электоральном
успехе КПРФ играли «красные губернаторы», мэры, главы,
председатели и «красные директора». А учитывая также упо-
мянутую здесь формулу, что категорийно с классом на равных
может биться только класс, приходишь к мысли, что тот самый

номенклатурно-директорский корпус, который олицетворял советскую еще командно-административную систему и который частично сохранялся в стране до прихода Путина, по проявленной политической силе являл собой нечто, категорийно сопоставимое с классом. Вспоминаем ленинское определение класса и видим, что по признакам занимаемого места в том – социалистическом еще – общественном производстве и отношении к производимому продукту он вписывается и сюда. Этот партийно-номенклатурно-директорский слой не был при социализме собственником производимого продукта, но имея полное законодательное право распоряжения им, был достоин частички «квази», то есть того, чтобы определить его как квазикласс.

Вот так, исторический шлейф уже поверженной командно-административной системы помогает выявить ее формационную суть. Стоит ненадолго открутить назад рассмотрение истории, ибо, увидев это, мы в состоянии разглядеть, наконец, формационный классовый дуализм социалистического строя. Общество, как и весь материальный мир, строится на единстве противоположностей. У каждой элементарной частицы есть античастица, у северного полюса магнита – южный, у рабочего класса, если он существует со всеми своими классовыми признаками по отношению к средствам производства, должен на другом полюсе общественного производства «зеркально отобразиться» его антипод. Этот антипод и есть квазикласс, сформированный командно-административной системой.

Ранее, рассматривая обособленно социалистическую формацию, практически невозможно было категорийно выделить партийно-номенклатурно-директорский корпус командно-административной системы, как квазикласс, более того, это казалось неверным концептуально (в советской науке об обществе выделялись только два класса: рабочий и крестьянство). Квазикласс командно-административной системы не идентифицировался поначалу в силу его функциональной неотрывности от производства (равно как ранних буржуа, трудившихся за одной наковальней рядом со своими работниками, зачастую его дольщиками, трудно было отделить от последних). А в си-

лу того, что он не имел своей партии, он не был политически обозначен.

Да, класс политически обозначается, когда получает свою партию, и квазикласс командно-административной системы тоже к этому стремился. В конце концов, он получил ее. Вспомним вышеприведенный эпизод из фильма и наши слова о том, что от станка КПСС перешла в высокие кабинеты заводских управлений. Да, как раз КПСС и стала партией директоров – партией командно-административной системы. Если кто помнит, вспомните, какой абсолютно непререкаемый вес имел директор в парткоме предприятия. Да, это прискорбно, но факт: КПСС тогда поменяла хозяина, уйдя от рабочего класса.

Теперь ясно опредмечивается проведенный выше разговор о борьбе с рабочим классом – почему его вела именно КПСС. Политическая победа над рабочим классом выразилась не столько в том, что «девушка-наладчик» была отстранена от решения управленческих вопросов на производстве, сколько в том, что из-за ее спины удалили соратника-партийца.

И вот здесь подходим к самому важному классовому определению эпохи СССР от хрущевских времен: как и для всякой классовой эпохи, это время классового противостояния и борьбы. Но не той, какая у нас традиционно понимается, как борьба с отходящим классом в виде кулаков и нэпманов, а иной, которая развернулась на ступень выше, гораздо более драматичной, поскольку она велась между формационными союзниками (напомним, выше было замечено, что не в силу своей враждебности начальник цеха затыкал рот девушке-наладчику, а потому, что видел решение производственных проблем иначе. Возможно, в наше время такой человек стал бы секретарем первички КПРФ или даже РКРП).

Наиболее наглядно отличительную особенность этой борьбы можно продемонстрировать, дав ответ на такой частный вопрос, был ли в СССР госкапитализм. Сторонников этой идеи не удовлетворяют отсылки на отсутствие частной собственности, они смотрят на систему структурно и усматривают даже эксплуатацию. И, казалось бы, выделение здесь квазикласса подтверждает их правоту. Однако структурно просматривается

принципиальная разница между этими явлениями в разных системах: если в капиталистическом обществе классовая борьба ведется для усиления или ослабления именно эксплуатации, то есть в сфере распределения производимого продукта, то в социалистическом обществе предметом борьбы становится управленческие/собственнические права на средства производства. Произведенный же при социализме продукт щедро раздается обществу – в виде бесплатных социальных преференций, гарантий и прочего. То есть квазикласс командно-административной системы не занимался эксплуатацией (раньше говорили: «верхи» барствуют, но и другим дают хорошо жить), что определило бы формат системы, как капиталистический.

И в этой борьбе рабочему классу было нанесено политическое поражение. Он был лишен партии и тем самым обезглавлен и сделан политически слепым. На более высоком – государственном — уровне политическая победа над рабочим классом вылилась в то, что функционеры командно-административной системы взяли под контроль выдвижение представителей рабочих в Советы. Ленинская наука требовала, чтобы в Советах рабочие составляли большинство, оно так и делалось, но делалось рукотворно – отбором, который осуществлял не сам рабочий класс, а аппарат противостоящего класса (точнее квазикласса), и, в итоге, рабочее большинство политически было фактически приручено – превращено не более чем в машину для голосования.

Но именно потому, что это была борьба не против социализма, а за разные методы его строительства, будучи оппонентом рабочему классу в социалистическом обществе, номенклатурно-директорский слой (не весь, конечно) стал его естественным союзником в капиталистической России. Лишившись его в путинские годы, КПРФ осталась, как партия, один на один с целым классом.

Столбим: Общественное производство при социализме так же, как и в любых досоциалистических обществах, требует функционального разделения общества на классы/квазиклассы. Номенклатурная структура командно-

административной системы заняла нишу, противоположную рабочему классу, превратившись в квазикласс. Политически оформиться в квазикласс она смогла, сделав КПСС своей партией, перехватив ее у рабочего класса. В девяностые годы КПРФ имела поддержку остатков этого квазикласса.

Конечно, под влиянием скрытой классовой борьбы КПСС, имея в своих рядах достаточно здоровых сил, неявно раскололась. Внутри партии постоянно тлело напряжение. Четкой границы не было. Зюганов не раз говорил, что у нас было две партии: одна – Хрущева, Горбачева, Ельцина, другая – Жукова, Гагарина, Космодемьянской. И конечно, при главенстве в обществе номенклатуры (квазикласса) командно-административной системы, та часть партии, что была повернута к рабочему классу, была крайне и крайне слаба.

Полшага вперед и удар в спину

Но продолжим. Став наследницей КПСС, КПРФ, к сожалению, переняла ее прикрепленность к квазиклассу командно-административной системы. Ее классовым партнером в девяностых стал не рабочий класс, а директорский корпус, и, как видим, если бы она пришла тогда к власти, формационным классовым победителем стал бы он.

Здесь необходимо уточнение. Выше писалось, что даже проигравшая на выборах ельцинская команда не отдала бы компартии власть. Сама бы не отдала! Но выигрыш компартии на выборах мог бы подкрепиться и верхушечным переворотом, который могла совершить как раз оставшаяся у власти номенклатура командно-административной системы, поддержанная «красными» губернаторами, «красными» директорами и «красными» военными. У сохранившегося квазикласса командно-административной системы было достаточно для этого сил. Собственно говоря, вынужденным назначением Примакова премьер-министром дело к этому и пошло («верхи» уже не могли управлять по-старому), но премьерскому перевороту не хватило политического подкрепления победой именно на вы-

борах. Ибо только КПРФ в Госдуме и в президентском кресле могла обеспечить проведение подкрепляющих реформы Примакова политических мер.

Но еще раз подчеркнем, это была бы формационная победа квазикласса командно-административной системы с вытекающими отсюда ее политическими мерами: потесненные приватизацией директора вновь бы заняли свои кабинеты, и вместе с ними вернулся бы в свои высокие кабинеты (парткомы) распущенный партийный аппарат. Конечно, при этом отсеялись бы самые одиозные, кто высветился в перестроечные и постперестроечные годы, вроде Яковлева, Горбачева, Гайдара. Подтянулись бы честные и преданные. Командно-административная система бы обновилась, но ее системные пороки бы остались. Проблемы снова бы накапливались, вновь стимулом сделали бы прибыль, всё снова покатило бы к частному капиталу, и очередной неверный шаг мог снова опрокинуть все. А после этого новый крах социализма мог отодвинуть пришествие этого строя теперь уже на столетия.

Столбим: Остатки командно-административной партономенклатуры еще десятилетие имели реальную силу в административной вертикали нового режима и скрытно поддерживали КПРФ (свою партию!) на выборах. При их поддержке КПРФ могла прийти к власти, но при этом в стране снова возродилась бы командно-административная система со всеми ее пороками, что грозило бы повторением доперестроечных проблем.

Но назначением Примакова получился фальстарт. Выше здесь писалось о том, как путинская команда разгромила «красный пояс» и расправилась с «красными» директорами. Надо сказать, приход чекиста Путина, вернувшего музыку советского гимна, поначалу многими был воспринят именно как начавшийся верхушечный переворот – реванш командно-административной системы. Однако это оказалось печальной драмой ее гвардейцев и, вообще, всех остальных «красных» – ведь они приняли чекиста Путина за своего, раскрылись перед ним и никак не ожидали сокрушающего удара со спины.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ. БЕЗ КЛАССОВОЙ ПОДДЕРЖКИ

Тяжелая ноша системного наследства

Лишившись в нулевых квазикласса командно-административной системы, КПРФ подвисла в воздухе. Она оказалась партией без класса. Отсюда возникли ее основные проблемы. Многие отделения КПРФ как бы застряли в тех девяностых, когда партия имела максимальный исторический успех, и продолжают мыслить и работать в парадигме тех политических условий, когда были «красные губернаторы» и «красные директора», когда те помогали гасить административный и пропагандистский ресурсы буржуазных властей. Партийные организации КПРФ продолжают биться с административным ресурсом, полагая перехватить его путем выборов, и зачастую делают это выдвижением от себя на выборах все тех же представителей директорского корпуса, бизнеса, а иногда и работников административной вертикали власти, не понимая, что в девяностых добиться административного ресурса им помогали не просто директора и бизнесмены, а иной классовый расклад, который с нулевых годов уже не существовал.

Столбим: Источник продолжающихся проблем КПРФ – это мышление и работа в русле парадигмы уже поверженного квазикласса командно-административной системы.

В принципе, перед партией без класса как бы вновь открылась возможность и необходимость вернуться к классу рабочему, но разрыв с рабочим классом любых политических партий – это первое и самое главное, что поспешила сделать буржуазия, придя к власти. Сделала она это запретом организовывать партийные организации и вести политическую деятельность на госпредприятиях и госучреждениях.

Стоит однако сказать, что сильно напрягаться буржуазии в этом деле не пришлось. Разрыв компартии с рабочим классом уже и так был уже осуществлен в СССР. Можно было даже не запрещать политическую деятельность на предприятиях – связки с рабочим классом у коммунистических партий (всех!)

все равно до сих пор не получилось. И даже в девяностых, там, где «красное» руководство предприятий сочувствовало коммунистам и позволяло проводить встречи с рабочими коллективами, все это осуществлялось, прямо скажем, через кабинеты директоров. Мероприятия обычно проводились так: рабочие коллективы административно собирались где-нибудь в красном уголке, агитаторы-коммунисты проводили свою агитацию, и этим все заканчивалось. Атмосфера неприязни рабочих к пришедшим под ручку с директором коммунистам продолжала висеть на этих собраниях – десятилетия войны с рабочим классом, о которой упоминалось выше, сделали свое дело. То есть даже в благоприятных условиях связки с рабочим классом не получилось. Коммунисты и до сих пор воспринимаются рабочими как представители партии директоров.

Компартия в прокрустовом ложе режима

Опыт поражения 1917 года заставил буржуев проштудировать «Манифест Коммунистической партии», и они теперь знают, где стелить соломку. После переворота начала девяностых годов все левые партии попали под жесточайшую, хотя и невидимую опеку. Кадровая открытость всех партий и движений позволила внедрить в их руководящие органы агентов влияния, которые помогали как гасить работу, так и дискредитировать партию или движение. С небольшими партиями расправились быстро. Они уже в девяностых быстро растеряли какое-либо политическое влияние в стране.

Сложнее было с КПРФ. Попытка запретить Коммунистическую партию вообще натолкнулась на сильный политический конфуз – правомочность запрета не признал Конституционный суд. И даже не это главное! Стало очевидно, что КПРФ – это не просто партия, а как преемница КПСС (не только Горбачева и Ельцина, но и Гагарина и Жукова) – это огромная ниша в сознании народа. Именно с ней люди стали увязывать, несмотря на ее «директорское клеймо», и все советское наследие. А притягательная сила СССР упорно продолжала жить в народе. Поэтому к КПРФ была применена особая тактика.

Через грубое криминальное (а дело доходило до реальных убийств активистов партии и членов их семей по всей стране), судебное, административное давление заставили руководство партии встроиться в государственную систему, проявить сдержанность в идеологических шагах и пойти как на договоренности с денежными мешками, так и на компромиссы с местными властями. Партию засунули в прокрустово ложе социал-демократии. О ключевых идеологических вопросах, об опоре на рабочий класс заставили надолго замолчать.

(Сделаем от себя также предположение, что агентов влияния могли внедрить в самое ближайшее окружение Зюганова, чтобы затем через демократические процедуры поставить своего человека на пост Председателя партии. Еще раз подчеркнем, это сугубо наше предположение, но именно этим мы можем объяснить себе, почему Зюганов выбрал тактику несменяемости первого лица партии. Это приводило к определенному подавлению индивидуальной активности даже его близких соратников (мало ли кто прячется за образом друга), вызывало недовольство, понижало имидж партии, но, увы, сегодня это единственная гарантия от сдачи партии врагу).

Столбим: Наученная опытом 1917 года буржуазия через грубое криминально-судебное давление взяла компартию в жесткие кадровые и идеологические тиски.

На двадцатые годы нового века главную компартию страны намечено задавить окончательно, или хотя бы стратегически – именно как лево-патриотическую нишу. Ведь в эти годы исчерпывается жизненный ресурс поколения, захватившего времена СССР в свои активные годы. Началом конца КПРФ должны были стать выборы президента РФ 2018 года. Предполагалось, что вновь выдвинутый от партии Зюганов пропустит вперед Жириновского, после чего авторитет КПРФ начнет стремительно обрушаться. Но Зюганов на исходе своей политической карьеры (думаю, о почтенном возрасте председателя КПРФ не говорить уже нельзя) преподнес властям сокрушительный сюрприз. Выдвинутый в самый последний момент и неожиданно для властей Грудинин не просто оставил далеко позади всех своих спойлеров вместе с Жириновским, но и придал пар-

тии второе дыхание, показав действующий пример «советского социализма» на отдельно взятой территории, разогрев тем самым социалистические настроения в обществе и приблизив к партии широкие слои населения. Партия шире открылась для сотрудничества с большим фронтом лево-патриотических сил.

Исторически новая электоральная ситуация

Впрочем, и на выборном поле не все так однозначно. Союзники по левому флангу обвиняют КПРФ в забвении ленинского учения о том, что в буржуазном обществе прийти к власти через выборы невозможно. Этот момент требуется рассмотреть досконально, поскольку противники выборов оставляют без внимания слова того же Ленина об учете конкретно-исторического момента. А конкретно-историческим моментом, важным для понимания нашей ситуации, является то, что общество со времен Ленина кардинально изменилось.

В начале двадцатого века люди понятия не имели, что такое социализм. Маркса читали только единичные революционеры, которые сами плыли в вопросах объяснения общества, которое намеревались построить. А значит, сами толком не могли его объяснить людям. Подавляющее большинство населения жило в представлениях о незыблемости и святости частной собственности, и ее ликвидация виделась людям большим и опасным бредом. Поэтому они никогда не стали бы голосовать за людей, призывающих к ее отмене. Буржуазным агитаторам можно было даже не работать, а властям – не надо было включать административный ресурс и заниматься фальсификациями. И лишь рабочие (пролетарии), жившие без частной собственности, могли ясно воспринять идею общества, лишенного его. На них, точнее говоря, на их стихийное пролетарское сознание и опирались большевики, чьи пропагандистские усилия падали здесь на благоприятную почву.

Но вот, социализм установился и страна прожила в нем более 70-ти лет. Теперь подавляющее большинство людей без всяких агиток понимает, что это такое и как может общество жить без частной собственности. Для большинства социализм

это недостроенная система справедливого общественного устройства. Его принципы ясны всем, они воспринимаются позитивно, и буржуазные партии способны одерживать победы на выборах не отрицанием его, не упором на священность частной собственности – вы не встретите в их предвыборных программах платные медицину и образование, приватизацию и налоговые льготы олигархам, а напротив, они фактически спекулируют на достижениях социализма, манипулируя в своих программах обещаниями его социальных гарантий.

Разумеется, это их обман, на нем они выигрывают выборы, но это принципиально не то, что имел ввиду Ленин, говоря о невозможности социалистам выиграть буржуазные выборы. Ведь, строго говоря, эти выборы нельзя даже назвать буржуазными – все кандидаты идут на них с социалистическими лозунгами, социализмом пронизывается вся предвыборная атмосфера, даже советские фильмы беспрестанно крутит телевидение! Это не мы на их, а они на Нашем поле играют! Это насекомые-паразиты на земле, которая Наша! Мы работаем в среде, которая ментально Наша! – Мы у Себя дома! Собственно говоря, поэтому стратегией КПРФ и избрано завоевание власти с помощью народа.

В этом разрезе необходимо еще раз окинуть взглядом события 1993 и 1996 годов. Здесь писалось о том, что в событиях 1993 года ситуация медленно, но верно работала на выдавливание ельцинского режима, дело неумолимо шло к импичменту и, без нарушения закона, президент ничего не мог с этим поделать. Это как раз хорошо показывает, что режим работал на нашем ментальном поле. Для спасения себя ему оставалось только взорвать ситуацию и одолеть сопротивление силой.

В 1996 году работала тенденция на рост голосов, отдаваемых компартии. В том году обозначилось примерное электоральное равенство и вполне обосновано было ожидать ощутимого перевеса на следующих президентских выборах. И это тоже объясняется тем, что ментально электоральное поле было нашим. Как мы знаем, режим спасла чекистская рокировка и обман с возвратом музыки советского гимна. Но буржуазию выручил бы и новый взрыв ситуации с новым физическим по-

давлением оппозиции, что могло бы случиться, если бы Зюганов вывел на улицы своих сторонников. Новый расстрел толпы поставил бы крест на участии коммунистов в каких-либо выборах, похоронил бы возможность спокойного перехода власти в руки левых, которая тогда была совсем реальной. Так стоило ли рисковать открывающейся перспективой и тысячами жизней, ради «революционного» эпатажа?

Фраза «Лимит на революции исчерпан» означает, что мы живем в советском по духу обществе, его уже не надо революционизировать, любая не вписывающаяся сюда власть должна удаляться демократическими методами.

Столбим: Нынешнее общество принципиально отличается от общества начала двадцатого века. Если тогда у человечества не было примера социализма и носителем социалистических воззрений могли быть только пролетарии, то после десятилетий социализма понимание его живет во всех слоях общества и буржуазные партии могут побеждать на выборах, лишь манипулируя его обманками.

Стержень лево-патриотической ниши

Стратегией выбрана опора на просоветское, просоциалистическое мировоззрение. На наследницу КПСС естественным образом взвалился груз ответственности за лево-патриотическую, просоветскую нишу в обществе, и за три десятка лет нынешнего режима КПРФ стала ее стержнем. Здесь партия работает на благодатной почве – долгий процесс формирования советского человека оказался необратимым. Опросы, проведенные спустя четверть века после событий 1991-1993 годов, показывают, что позитивное отношение к советскому не только не угасает, но и нарастает [13].

Не случайно, именно просоветское население сформировало остов лево-патриотической ниши. В эту нишу так или иначе стекаются интересы самых широких слоев – от рабочих до интеллигенции и бизнеса. Сформировано широкое политическое поле организаций сторонников СССР и социализма. Это и СССР-2.0, это и «Новый социализм», и масса организаций, на-

зывающих себя и коммунистическими, и социалистическими. Это и смешанные лево-патриотические организации типа «Державы», «Союза офицеров», НПСР и другие. Да, возникает много вопросов к лидерам всех этих структур, не секрет, что кто-то из них выполняет задачу спуска протестного пара, но главное – даже риторика провокаторов поднимает массы людей, которые поднявшись и осмотревшись, уже самостоятельно начинают настраиваться на реальные просоветские дела.

И вот, став стержнем этого огромного, хоть и пестрого электорального поля, КППРФ может собирать на выборах голоса, достаточные для прорыва к возрождению великой страны.

Почему нужна опора на рабочий класс?

Да, буржуазные партии выигрывают, манипулируя социалистическими лозунгами, и избирателю трудно отличить их программы от программ левых сил. Однако многие слои общества поддерживают их подсознательно, они колеблются между социалистическими гарантиями и рыночными ожиданиями, иллюзиями предпринимательского успеха. И лишь индустриальные и сельскохозяйственные наемные рабочие крепко держат в себе стихийное социалистическое мировоззрение. Как и во времена Ленина это часть общества, которая не будет метаться, и на которую можно прочно опереться.

Опора на рабочий класс важна и с точки зрения перспективы. Ведь как бы кто сегодня ни рассуждал, есть ли в стране рабочий класс – нет ли его, но даже те, кто его уже похоронил, не могут не признать, что после прихода к власти коммунистов для восстановления экономики страны он по-всякому понадобится, причем в большом количестве. Но как мы уже видели, для закрепления победы нового строя будет принципиально важно, станет ли рабочий класс хозяином своего дела? И опять же, как мы уже видели, этот вопрос целиком зависит от связки компартии с рабочим классом.

Столбим: Опора на рабочих необходима во-первых потому, что они остаются последовательными носителями социалистического мировоззрения, и во-вторых, в свете

политической перспективы: возрожденный социализм сможет укрепиться, лишь оперевшись на рабочий класс, который должен стать формационным собственником социалистического хозяйства.

Принципиально важна и обратная сторона человеческой памяти вообще: люди помнят о предательстве социализма в СССР и до сих пор не услышали, как при победе коммунистов оно будет преодолеваться, где гарантии, что не возродятся горбачевы и ельцины. Людей отталкивает, что опять будут парткомы и довлеющие во всех сферах жизни обкомы, опять начнут расти партийные карьеристы, а говоря языком нашей статьи, люди продолжают воспринимать КПРФ как партию командно-административной системы, а та сама дает повод так считать, выдвигая и выдвигая на выборах представителей бизнеса и административных структур...

Чтобы не было сомнений в последнем, надо ясно и понятно стать партией рабочего класса – грубо говоря, встать рядом с рабочим человеком. Да, необходимо включиться в повседневную борьбу рабочих за свои права на предприятиях, но кроме того, люди должны увидеть рабоче-классовый подбор наших кандидатов на выборах всех уровней. Люди должны увидеть в избирательных бюллетенях кандидатами от КПРФ не директоров и бизнесменов, а рабочих, крестьян, цеховых инженеров.

Однако пока от нас не видят таких действий. Мы же не можем их совершить, поскольку ноша системного наследства продолжает давить на коммунистов, не давая сойти с обтопанной дорожки. Всеми своими действиями мы вновь и вновь демонстрируем приверженность командно-административной системе.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ. ЧТО ДАЛЬШЕ? СОСТОИТСЯ ЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ В РАБОЧИЙ КЛАСС?

Большевизация власти и... класса

Говоря о сегодняшнем и завтрашнем дне, еще раз обратим внимание на ключевую историческую деталь: Октябрьская ре-

волюция была бы невозможна, если бы накануне не случилось большевизации Советов, то есть, если бы поднятые в голосовании руки рабочих не отдали бы Советы большевикам.

Могут сказать, что пример с победой Советов в 1917 году нельзя брать для образца. Ведь тогда власть валялась на земле, на всероссийском уровне представительными были только органы, созданные рабочими, которые ее и подобрали, а сегодня государственное поле не пусто, параллельные органы власти создать не дадут. Кроме того, те Советы были в чистом виде рабочими, избирались ими, даже назывались Советами рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Да, тогда эти слои населения были единственными стихийными носителями социалистического мировоззрения, но сегодня носителем идеи советского социализма является практически весь народ, и поэтому те Советы, избираемые рабочими и крестьянами, и поздние советские Советы в этом смысле идентичны. А ныне действующие представительные органы власти – это перманентно перетекшие в них те самые Советы, что пришли к власти в 1917 году. На уровне сельских поселений они даже сохранили название Советов. То есть это тоже Наши органы власти, но захваченные паразитами. Мы живем на социалистической по ментальности земле, электоральное поле Наше, а значит сегодня для очищения от скверны органов власти, изначально социалистических, можно опереться на весь народ. Образно говоря, сегодняшние выборы можно и нужно сделать повторением процесса «большевизации» Советов!

А это можно сделать, если коммунистам повторить то, что сделали тогда большевики, – завоевать головы рабочих, то есть провести «большевизацию» рабочего класса. **Собственно говоря, это и есть тот «верстовой столб», без движения к которому не будет движения к будущему.**

Пленум октября 2014 года

Да, краеугольный для партии вопрос связи с рабочим классом пока остается открытым. В 2014 году КПРФ сделала попытку решить его на пленуме ЦК [14].

Вокруг самого пленума тоже было достаточно драматизма. В условиях жестких рамок прокрустова идеологического ложе он вообще виделся невозможным с такой повесткой и смог состояться только потому, что 2014 год оказался для действующего режима годом критического напряжения. Дело шло к либеральному перевороту. Спусковым крючком к нему должны были стать украинский кризис и появление в Крыму американской базы. Едва случились киевские события, как либералы загодя запланировали проведение по всей стране митингов по типу Болотной, назвав их показательно майданами (даже дату назначили: на 18 мая – на май планировался отчет правительства Госдуме и на фоне катастрофических провалов могла состояться его отставка). Ситуация разрешилась виртуозным маневром Русской весны и перехватом из-под носа американцев Крыма.

В схватке за выживание с внешним врагом режиму оказалось не до компартии. В эту расщелину и влез Зюганов, проводя пленум, откладываемый с самого момента зарождения КПРФ. Были приняты конкретные решения, которые призваны были активизировать взаимодействие с рабочими коллективами. Так, было предписано иметь в региональных комитетах заместителя секретаря по работе с рабочим классом, специально было проговорено о том, что речь идет не о трудовых коллективах вообще, а именно о рабочих коллективах и т. д.

Однако дело не пошло. Оказалось, что мало просто провести пленум ЦК о работе в рабочих коллективах и обязать партийцев туда пойти.

Да, можно было бы сейчас говорить об отсутствии методики такой работы, о том, что все партийные структуры сверху донизу должны были быть снабжены соответствующими методичками, должно было быть соответствующим образом построено планирование работы всех партийных структур и соответствующая, простите за бюрократический слог, отчетность, что этому должны были быть посвящены выпуски партийной прессы, на интернет-каналах КПРФ необходимо было провести ряд передач, интервью, обсуждений, самому Зюганову надо было посвятить специальные большие интервью, на-

пример, на Красной Линии, чтобы хотя бы просто сконцентрировать внимание партийцев на этом вопросе... Однако главное не это.

Судя по тому, что «сверху» никаких таких очевидных импульсов не пошло, можно предположить, что режим быстро спохватился и на Зюганова вновь было оказано давление, его вновь вернули в прокрустово ложе. А значит (вот что главное), коммунисты-партицы должны были бы *сами* уловить намек «сверху», понять-таки, что ЦК не может напрямую организовывать *такую* работу, даже в форме безобидных интервью, не получив опять убийства активистов и членов их семей. Мы под лупой. Все наши шаги (тем более централизованные) легко обрубить. Ожидалось, что партийные «низы», интуитивно носящие в себе сверхидею такой работы, уловят-таки, что главное их предназначение – это битва за умы рабочего класса. Но что пошло не так? Может, опять сказалась инерция стереотипов партии квазикласса командно-административной КПСС? Может, дело в том, что все должности по вертикали партии занимают люди, чьим прообразом был тот самый довлеющей над «девушкой-наладчиком» мастер из упомянутого фильма?

Столбим: Пленум ЦК КПРФ 2014 года о разворачивании работы партии с рабочим классом мог стать историческим. Однако его решения не выполняются. Перед коммунистами встает неожиданный вопрос: почему не удается преодолеть инерцию партии командно-административной системы?

Может, корни глубже? Может, такой пленум надо было проводить еще в 1953 году? Может, большим ошибочным упрощением является сваливание вины только на Хрущева? Ведь его курсом пошла вся партия. Вспомним, что пленумов ЦК КПСС о работе в рабочем классе не было в истории вообще. Не оказалось соответствующей идейной нацеленности в головах миллионов коммунистов. Но что недовложили в партийные массы Сталин и его соратники, решившие повернуть партию от административных задач на идеологические? Чем партийные массы не успели овладеть при его жизни?

Ошибка триумфального съезда

Наверное наиболее наглядным ответом на этот вопрос может послужить 19-й Съезд ВКП(б)/КПСС, когда сталинская команда была на вершине своего могущества и могла провести через его решения все что угодно [15]. Некоторые историки называют его триумфальным съездом партии за всю ее историю. Он проводился в октябре 1952 года и был последним сталинским съездом. Рассмотрим его подробнее.

Это был Съезд после победы в Великой Отечественной войне, после быстрого восстановления разрушенного войной хозяйства и достижения уровня, значительно превышающего его в довоенные годы, после колоссального укрепления СССР на международной арене, создания атомного оружия и формирования мировой системы социализма. Съезд принял грандиозные планы дальнейшего развития и взял курс на кардинальную политическую реформу. ВКП(б) была переименована в КПСС, Внесены изменения в Устав и было проговорено о переориентации партии с хозяйственной деятельности на идеологическую и кадровую.

С основным докладом на Съезде выступил Маленков, Хрущев зачитал изменения в Устав, с речью выступил и Сталин. И хотя Сталин не был основным докладчиком, его вышедшая накануне работа «Экономические проблемы социализма» была распространена как базовый документ Съезда.

Не будем подробно разбирать решения Съезда, скажем лишь, что экономическая часть основного доклада с перечислением планов экономического развития и контрольных показателей действительно выглядит внушительно, но в свете того, что затем случилось, и случилось именно потому, что последующая деятельность Хрущева не дала провести в партии намеченные политические реформы (именно политические!) нам важно сосредоточиться на последних.

Итак, что можно выудить из материалов Съезда о политической реформе?

Работа Сталина «Экономические проблемы социализма» посвящена экономическим законам социализма, товарному

производству при социализме, закону стоимости при социализме, уничтожению противоположностей между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, кризису мировой капиталистической системы, неизбежности войн между капиталистическими странами, сравнению основных экономических законов капитализма и социализма и более мелким вопросам.

В докладе Маленкова основная часть отдана опять же вопросам экономического развития и есть раздел, посвященный партии. Смотрим на него.

Как обозначены задачи, стоящие перед партией:

- Улучшение качественного состава партии;
- Борьба с недостатками в партийной работе;
- Улучшение кадровой работы;
- Усиление идеологической работы;
- Охрана единства рядов.

В самом тексте есть слова об отрыве партийных органов от масс и превращении их в «своеобразные административно-распорядительные учреждения», то есть обозначена болевая точка, которая впоследствии выродится в командно-административную систему.

И теперь хотелось бы задать вопрос читателю. Перечислим разделы основного доклада и спросим: какого очень важного раздела в главном документе партийного Съезда не хватает? Особенно в свете последующего хрущевского переворота.

Итак:

Первый большой раздел: Международное положение Советского Союза.

Второй большой раздел: Внутреннее положение Советского Союза.

Подразделы второго раздела:

1. Дальнейший подъем народного хозяйства СССР;
2. Дальнейший подъем материального благосостояния, здравоохранения и культурного уровня жизни народа;
3. Дальнейшее укрепление советского общественного и государственного строя.

И третий большой раздел: Партия, о котором выше уже сказано.

И вот в свете ранее сказанного о новой исторической миссии партии в стране победившего социализма, о рабочем классе, как новом формационном собственнике социалистической экономики, и с высоты нашего знания всей последующей истории еще раз повторяем вопрос: «Какого принципиально важного раздела не хватает в главном Докладе Съезда?».

Представьте себя на месте докладчика. Или хотя бы делегатом поворотного Съезда. Постарайтесь прочувствовать ответственность за партию и социализм. Представьте, вас тоже делегировали партийцы, и вам голосовать, в том числе за будущую историю (конечно, не за такую частность, как снятие Хрущева). Чего концептуально не хватает в основном Докладе?

Не хватает раздела о рабочем классе.

Мы говорим о социалистической экономике, а о главном формационном собственнике – ее двигателе – ни слова!

Но если же мы поставили задачу вести работу в рабочей массе, мы должны знать, какова она. А поводов задуматься над этим было предостаточно. Страна совершила мощный индустриальный рывок, в ряды рабочего класса пришло огромное количество сельских жителей, принеся с собой остатки индивидуально-собственнического сознания, разбавив рабочий класс, приспустив его коллективистское стихийное сознание к своему формационному уровню. На тысячах новых предприятиях рабочие коллективы формировались с нуля – из тех же бывших крестьян.

Нужно было знать, с кем работать. Областные и городские партийные комитеты должны были выстраивать работу в соответствии со сложившимися на местах условиями. Нужен анализ и общая реальная картинка рабочего класса, а не та, что рисовалась у нас в пропагандистских материалах, как некоего абстрактного, безликого гегемона.

Раздел о рабочем классе нужен был, чтобы слова об идеологической работе не превратились для делегатов в кабинетную абстракцию, чтобы делегаты Съезда зримо увидели и прочувствовали этот поворотный момент, чтобы сидя среди мра-

морных колонн, они не переставали ощущать, что в огромном зале незримо сидит рабочий класс. Здесь ведь говорилось о том, что партия – это часть класса. Уже только поэтому, посвящая специальный раздел партии, мы обязаны говорить о ней, как о части класса. Раздел «Партия» в докладе к Съезду должен быть тождественен разделу «Класс». Идеологическая работа партии должна быть не кабинетно-начетнической, а «полевой» – как средство поднятия классового самосознания рабочей массы на новую ступень – формирования у нее осознания себя главным формационным собственником.

Не будем считать делегатов Съезда сплошь карьеристами, которые пеклись о теплых местах в парткомах, но им надо было объяснить суть намерений Сталина. Не вскользь, как это было сделано в докладе Маленкова, а акцентировано. Чтобы они увезли это понимание со Съезда на места. И тогда Хрущеву и его приспешникам гораздо сложнее было бы впоследствии разворачивать гигантский партийный корабль.

Вот она – точка надлома! Мы ищем причины разгрома социализма в СССР то в Перестройке, то в косыгинских реформах, то в Докладе Хрущева на 20-м Съезде КПСС... а она – вот она! – В том, что на важнейшем для партии Съезде, на котором была сделана попытка переориентировать партию с хозяйственных задач на идеологическую работу в рабочем классе, в главном докладе не оказалось раздела о ведущем формационном собственнике социалистического хозяйства.

Невнимание к этому вопросу было исторически объяснимо: руководители партии и большинство делегатов Съезда либо вышли из рабочей революционной гвардии, либо сами были рабочими. Для них рабоче-классовый аспект их партийной работы был само собой разумеющимся. Они еще не ощущали, что он требует специального анализа. Но тогда тем более это важно для всех последующих поколений. И если для «старых» коммунистов отсутствие теории о рабочем классе было объективным, то на других-то партийных Съездах, на которые выходила молодая поросль коммунистов, почему такой раздел в основных докладах не появлялся?! Почему новые-то застряли?! Получается, что вся наша история зависла на переломе, а наша

партия глухо затормозила у порога теоретического осмысления нового классового фактора при социализме!

Столбим: Принципиальной ошибкой всех высших коммунистических партийных форумов (Съездов, Конференций, Пленумов) СССР и России является отсутствие ключевых докладов, посвященных анализу положения рабочего класса и результатам работы партийных организаций в рабочей среде.

В 2014 году Пленум ЦК КПРФ поднял вопрос о работе в рабочем классе. Но был ли дан предметный анализ состояния рабочего класса, кроме общих слов о том, что он никуда не делся? Была ли сделана раскладка по промышленности, регионам и т.д.? Перед райкомами ставится задача найти опорные предприятия, но было ли сказано о том, что райкомы и обкомы должны постоянно иметь раскладку по районным и городским предприятиям? – Знать, где и в каком состоянии находится рабочий класс, куда, собственно идти? Это все необходимое опредмечивание задачи.

18 Съезд КПРФ (2021 год).

И вновь без раздела о рабочем классе

Собственно говоря, в названии главы все сказано [16]. Добавить нечего. Разве что, похоже, что каждое поколение коммунистов чересчур буквально воспринимает слова «Мы говорим партия – подразумеваем Ленин!». Похоже, что носящие партбилеты иначе как «владимирами ильичами» себя не видят.

Столбим: Если сделать выжимку из всего сказанного выше, то глубинная проблема партийцев в том, что они не прочувствовали себя частью рабочего класса. Нельзя говорить о партии, не подразумевая класс, нельзя говорить о миссии партии, не подразумевая миссию рабочего класса. Отсюда проистекают все стратегические ошибки коммунистической партии. До сих пор! Надо четко осознавать, что в залах всех партийных форумов сидит не столько партия, сколько именно рабочий класс в лице его запряженной тягловой лошадки.

Выше мы обсуждали, чем рабочий класс отличается от гражданской массы. (Напомним: если рабочий человек находится в рабочем коллективе – он рабочий класс, если на улице – он просто гражданин). Теперь аналогичную формулу построим для академика: если он в научной среде – он академик, если он пришел на партийное собрание (компартии) – он рабочий класс. Ибо темой партийного форума будут не академические изыскания, а идеология (мировоззрение) большого класса, которой всякий академик должен будет пропитаться как своей. Академик может принести свои идеологические изыскания, но внедриться в жизнь они смогут только силой класса, а значит, они будут обтесаны классом. И он в этом обтесывании должен будет принять участие на равных с сидящими рядом работягами. В голосованиях больше одной руки он поднять не сможет.

Столбим: Кто бы ты ни был: академик ли, врач ли, инженер, если ты вступил в компартию, ты вошел в рабочий класс, ибо встал на платформу идеологии построения бесклассового коммунистического общества, являющейся системообразующей идеологией большого системного класса.

(Хотя, необходимо сказать, что в рамках парадигмы текущего момента 18 Съезд КПРФ отработал отлично. Появление Грудинина в первой тройке общепартийного предвыборного списка и приглашение на Съезд Платошкина – это мощный шаг к собиранию просоветских сил.)

Научно-исторический контекст недосказанного на Съездах¹

Здесь уже приводился пример исследований академика Венедиктова, который в 1949 году нащупал фактор особого влияния рабочего класса на социалистическую экономику. Однако статус рабочего класса как формационного социалистического собственника еще не отразился в науке и, соответственно, еще не мог быть в полной мере исследован ключевой мотив социалистической экономики.

---

¹ Глава добавлена в электронную версию после публикации бумажного варианта книги

Открытый Марксом главный закон капитализма – закон прибавочной стоимости был теснейшим образом привязан к изучению ведущего формационного собственника капиталистической экономики – класса буржуазии. Большой труд «Капитал» собственно и посвящен раскрытию закона (мотива), позволяющему буржуазии существовать. И именно под него, как результат его действия, неоднородного в разных сферах, выстраивается структура класса буржуа, структура капиталистической экономики, формируются типы предприятий, акционерных обществ и других экономических субъектов, выкристаллизовывается стадия империализма.

Порождается и позже до глобального уровня развивается пожирающий саму капиталистическую систему ее внутренний системный паразит – банковско-финансовый капитал. Последний черпает свои жизненные силы не из прибавочного продукта (он его не производит, потому и паразит), а из операций с его денежным эквивалентом – из финансовых спекуляций, кредитного ростовщичества, что начинает работать против самой капиталистической экономики. Он становится настолько всемогущим, что при угрозе росту банковского капитала (скажем, когда продуктовое изобилие понижает процент потребительского кредитования), может уничтожить уже не товар, как это было в прошлые века, а само производство. Именно для этих целей «глобального регулирования производства и потребления» он был оформлен в виде надгосударственной Бреттон-Вудской системы.

И, вот, аналогично названию главного труда Маркса «Капитал», который исследует капитализм и его главный закон, новый фундаментальный научный труд о социализме мог бы называться условно как «Общественный продукт», ибо это, в первую очередь, главная цель социалистической экономики, и именно исходя из него и под него должна выстраиваться (и выстраивалась) макроэкономика социализма, ее структура, типы предприятий, типы планирования, госрегулирование и т.д. И во-вторых «Общественный продукт» при социализме работает и должен изучаться как мотив. То есть мотивом социалистической экономики должны работать не прибыль, не прибавочная

стоимость, а именно продукт. (Разумеется, не надо путать понятия «продукт» и «товар»: «товар» – это «продукт», произведенный для продажи).

Рабочий класс довоенных лет, о чем уже говорилось в этой книге, дал основания рассматривать «продукт» (не как «товар») именно в этом аспекте – как главный мотив социалистической экономики. И именно поэтому новый мотив нельзя было изучать в отрыве от его носителя – рабочего класса. (Не могу не отреагировать на замечание рецензента Кузьмина С.Р., подвергшего сомнению тезис о трудовом романтизме тридцатых годов и, соответственно, новом формационном мотиве². В качестве контраргумента он привел личный опыт работы на заводе, где он не замечал никакого романтизма и всю мотивацию рабочих видел только в высоких заработках. Однако надо учитывать, что рецензент писал о конце семидесятых и последующих восьмидесятых годах, когда косыгинская реформа уже окончательно разложила (деклассировала) рабочий класс и какой-либо трудовой романтизм приобрел киношный и показательный характер. Собственно говоря, рецензент описал рабочий класс и систему, уже подготовленные к ельцинским рыночным реформам и разгрому социализма).

Да, в свою очередь рабочий класс не монолитен, его необходимо различать в зависимости от видов и типов предприятий, на которых он трудился, от видов и типов производимого ими общественного продукта. А это, в свою очередь, определяло и градацию ключевого мотива социалистической экономики – «Общественного продукта». Где-то он достигал своей высшей степени – «Продукт как для себя» и, собственно, и становился ведущим социалистическим мотивом, где-то он был «Продуктом, как товаром», порождая другой мотив – «прибавочную стоимость» с вытекающими отсюда атрибутами капиталистического товарного производства – прибылью, конкуренцией и т.д., где-то это была в разной степени помесь того

---

² Напоминаю, что данная глава добавлена в электронную версию уже после выхода в свет печатного варианта книги, поэтому ответ на рецензию вполне корректен.

и другого. Собственно, о последнем писал в «Экономических проблемах социализма в СССР» Сталин [5], говоря о возможности внедрения рыночных отношений в социалистическую экономику, об этом был и ленинский НЭП, и это стало основным перекосом косыгинских реформ, сделавших «продукт как товар» единственным мотивом всей экономики.

Здесь уже приводился вывод советского ученого Венедиктова А.В. о том, что понятие социалистического госпредприятия как органа непосредственного оперативного управления государственным имуществом не может быть сведено к понятию его администрации (дирекции), а должно включать организованный государством коллектив рабочих и служащих, выполняющих во главе со своим руководителем возложенный на предприятие отрезок единого государственного плана [8]. Строго говоря, тем самым ученый вплотную подошел к следующей научной вехе – определению статуса рабочего класса, как ведущего формационного собственника, но приведенный вывод означает и то, что влияние рабочего коллектива стало доступно для научного и даже численного анализа. А именно, в разных сферах экономики стало возможным подсчитать долю инициатив рабочих в управленческих решениях, экономический эффект от этих инициатив (как подсчитывается эффект от предложений рационализаторов) и т.д. Конечно, субъективность и формализация таких показателей делает их уязвимыми для приписок и показушничества, но вот здесь-то и мог проявить себя в полной мере партийный контроль – тот самый контроль, который мог стать основным содержанием работы с кадрами. Напомним, что сутью политической реформы Сталина наряду с идеологической работой была и работа с кадрами. Выше эту часть реформы мы никак не рассматривали, поэтому здесь подчеркнем, что она должна была сводиться не только к учебе кадров, назначению и снятию с должностей, но и, главное, к партийному контролю за их деятельностью.

Советские ученые постоянно говорили об общественном продукте, как об экономическом мотиве социалистической экономики, но увязывали этот мотив не с рабочим классом, а с командно-административной системой, по сути пытаясь на

квазибуржуазию натянуть социалистический мотив. В итоге так и не была создана единая целостная экономическая теория социализма, не был написан аналог «Капитала» для социализма. А без теории нам смерть – ее мы и увидели.

Изучение социализма должно было стать тождественным изучению рабочего класса и его мотивов. Ибо не в количестве предприятий и строек суть системы (их предостаточно и даже больше в капстранах), и даже не в степени обеспечения потребностей населения (оно тоже не ниже в «золотом миллиарде»), а в мотивах и их соотношениях. По Ленину социалистическая система должна переиграть капиталистическую в производительности труда, и мотив должен будет сыграть в этом решающую роль. Не случайно об этом было сказано именно в работе «Великий почин» [7]. Конкретизируем – победа всякой экономической системы это победа ее ключевого мотива.

Столбим: Экономическое, мотивационное, классовое и партийное развитие должны были работать на социализм в едином комплексе. И именно поэтому должны были стать единими объектами для изучения и акцентирования партийными Съездами.

Подводим черту. Исторический ориентир

В течение всего разговора мы столбили путь продвижения к истине. Сложными зигзагами мы пробирались к ней, и вот выходим к вехе, к которой, собственно, и шли, и которая, наконец, обозначилась впереди. Она видна пока как цитата Сталина о проблемах той партии – партии еще реально рабочей. **Ведь сегодня мы отстаем от них на целую эпоху, и чтобы выйти к той цели мы должны прежде за столбить промежуточную веху возвращения партии в рабочую среду. А потому тот ориентир отстоит впереди более чем на две ступени, но четко просматривается:** *«Партия не может быть действительной партией, если она ограничивается регистрированием того, что переживает и думает масса рабочего класса... Только партия, ставшая на точку зрения передового отряда пролетариата и способная поднимать массы до уровня клас-*

совых интересов пролетариата, – только такая партия способна совлечь рабочий класс с пути тред-юнионизма и превратить его в самостоятельную политическую силу. Партия есть политический вождь рабочего класса». (И.В. Сталин. Об основах ленинизма [17])

ПОСТСКРИПТУМ.

Китайская верстовая дорога в социализм

Сложно заглядывать вперед, тем более в вопросах непредсказуемой истории, но ирония ее развития может привести к тому, что собственно социализмом станут называть его китайский вариант. Европейский социализм (в частности, советский) будет трактоваться как красивый, героический, но нежизнеспособный. Ибо на те жесткие меры против очинивничания социализма и «цветного» реванша капитализма, на которые оказался способен Китай, европейский социалистический менталитет не в состоянии пойти. Грубо говоря, в СССР развязки событий аналогичной той, что случилась на площади Тяньаньмэнь, не могло бы быть. А потому, говоря о социализме, пройти мимо Китая никак невозможно. Хотя бы в постскриптуме.

Часто, правда, ставится вопрос: а можно ли Китай называть сегодня социалистическим? Не будем копать в особенностях экономической системы Китая и даже его государственного устройства. Предлагаем обратить внимание на один обобщающий глобально-экономический аспект. Сегодня мировая капиталистическая система переживает один из серьезнейших кризисов. Рушится его гигантская опора – Бреттон-Вудская финансовая система. Ставка Федеральной резервной системы США в конце нулевых упала практически до нуля. В переводе на простой язык это означает, что по всему миру обвалилась система кредитования, в том числе (и главным образом) потребительского – население меньше берет кредитов, на которых собственно и расцветает финансовая система капитализма. Одна из ключевых причин, кроме официально называемой закредитованности, – заполнение планеты дешевыми китайскими товарами. «Вертолетные» деньги, которыми пытаются бороться

ся с закредитованностью, уходят на те же дешевые китайские товары, то есть утекают в Китай. И вот здесь мы обращаем внимание на то, чем различаются социалистическая и капиталистическая системы при наращивании производства товаров. Если при капитализме перепроизводство приводит к тому, что производитель для удержания цен вынужден уничтожать излишне произведенный продукт, то при социализме избыток товара ведет не к его уничтожению, а к снижению цены на него.

Собственно говоря, именно последнее в глобальном масштабе мы и наблюдаем. Дешевые товары снижают потребность в кредитах, в том числе по цепочке – и на дорогие некитайские товары. Падает главный источник доходов банковской системы. И все потому, что китайская экономика выбивается из парадигмы капиталистической – идет на масштабное удержание низких цен, то есть движется в русле парадигмы социалистической. Можно было бы это назвать и банальным капиталистическим демпингом, а также объяснить низкими зарплатами, характеризующими Китай как страну Третьего мира, и, действительно, эти явления и инструменты имеют место быть в капиталистическом мире. Однако же Третий мир грабится не первое столетие, демпинг – излюбленное средство разгрома конкурентов, но чтобы они валили систему вот так глобально и на корню (!) – такого еще не бывало. Есть основания полагать, что причина последнего мирового кризиса капитализма именно глобальная – а именно нестыковка формационных систем – поднявшийся на ноги китайский социализм, который капиталисты так неосмотрительно запустили в свой огород – ВТО – валит в нем капиталистическую систему (пусть и своими частными предприятиями, процветающими, заметим, благодаря тому, что уверенно стоят на базисных отраслях социалистического госсектора). Да, при этом в стране могут работать предприятия разных форм собственности, могут быть свои миллиардеры, сверхбогатые люди, но по глобальному суммирующему фактору – ценовой политике национального товарного производства – это все-таки, выходит, социализм.

Не будем рассматривать всю историю социалистического Китая, сконцентрируемся на самых спорных, как часто видит-

ся, его страницах. Рассмотрим проводимые Мао Дзедунем «Гигантский скачок», «Культурную революцию» и «Огонь по штабам». Скажем сразу, что отмечаем затвердившуюся версию, что это были этапы борьбы Мао за личную власть. Да, это были не имевшие аналогов в истории человечества кампании, проведенные Мао, однако их нельзя рассматривать, как проявление волонтаризма, бонапартизма и чего угодно личностного. В них вылилась некая, даже можно сказать, объективная потребность сохранения социализма в Китае вообще. Рассмотрение их тем более интересно, что отчасти в них можно разглядеть параллели и с нашей советской историей социализма.

Напомним, социализм в Китае ведет отсчет от 1949 года после победы коммунистической армии Мао при поддержке СССР. Китайцы начали строить социализм, копируя советский опыт. Однако через несколько лет выяснилось, что индустриализация по примеру СССР не набирает нужные обороты. Сильно мешала дикая отсталость китайского крестьянства. По европейским шаблонам Китай нельзя было назвать даже аграрной страной. Китай вообще не вписывался ни в какие мировоззренческие шаблоны Европы. Китайскому крестьянину, вовлеченному строить (европейский) социализм, невозможно было объяснить, что это такое. Крестьянину была не под силу не то что европейская философия, но и культура. С обратной стороны, в европейские шаблоны философия Конфуция собственно как философия тоже ведь не встраивается. Если попытаться объяснить ее понятным европейцу языком, то это своеобразный набор ритуальных правил поведения, написанный придворным служащим при китайском императоре. И не более того.

Собственно говоря, целью «Гигантского скачка», объявленного в 1958 году, и было вздыбить крестьянскую массу и, если можно так выразиться, индустриализовать его сознание. Не будем рассматривать его подробно, рассказывать о заявленных целях, вроде того, что за 15 лет поставлена задача достичь объемов производства Великобритании, скажем лишь об одном штрихе, который вычленяет именно китайскую специфику. До сих пор осмеянию подвергаются навязанные Мао Дзедунем кустарные плавильные печи по производству стали в каждой

деревне. Однако надо понимать намерение Мао внедрить в крестьянскую массу индустриальное мышление. Да, правильнее было бы по примеру СССР построить заводы-гиганты в городах, но вытащить туда по примеру СССР привыкших к рисовым плантациям крестьян, поставить их к домнам было невозможно. Образно выражаясь, Мао сделал обратное (если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе) – поставил китайцам домны в каждый дом.

Но главные проблемы «Гигантского скачка» оказались не в подобных перегибах. Для упрощенного понимания социализм был объяснен китайскому крестьянину, как возможность вырваться из нищеты. Однако набравшиеся из той же крестьянской среды партийные функционеры стали воспринимать это по-феодалному буквально, то есть, понимая как личные возможности стать богатым. А в ментальном китайском преломлении быть богатым означало еще и быть господствующим над своими земляками. Им поручили осуществление политики «Гигантского скачка», однако в головах исполнителей это стало преломляться в стремление угождать верхам, давая красивые показатели. Приписки стали бичом. Вместо реальных дел – цифры на бумаге. В итоге: мощные перекосы и диспропорции, гигантские площади необработанных земель и, наконец, голод.

А что такое голод в гигантской стране с гигантским населением? Советский «голодомор» и рядом не стоит! Переходя к причинам, необходимо подчеркнуть, что возникшие гигантские проблемы были не в подходе (та же коллективизация была скопирована с СССР, где она в принципе со временем решила проблему голодных годов), а в исполнителях. В социализм попытались ввести людей с практически дофеодалным типом мышления. А потому, собственно феодализм в стране они и начали строить. На китайской земле стал пышным цветом расцветать паразитирующий слой феодалов, который базировался... в партийных комитетах компартии. Китайское же общество оказалось не готово к противодействию новым эксплуататорам, поскольку оно никогда не проходило уроки классового противостояния. У них не было той гражданской войны, какая была у нас, и которая в нашем сознании все разложила

по классовым полочкам. Те гражданские войны, через которые прошел Китай, нельзя назвать гражданскими в классовом измерении. Это были междоусобные войны. У китайцев не был выработан иммунитет против эксплуатации, они не были способны распознавать в своих собственных земляках поднимающего голову классового врага.

И неспроста другая масштабная кампания, которую развернул Мао, была названа «Культурной революцией». Это была та же благая цель – поднять мировоззренческий уровень подавляющей темной массы населения, подготовить его к пониманию хотя бы основ классовой теории. Разумеется, это нельзя было сделать штудированием европейских классиков. Были бесполезны даже труды «нейтральных» мыслителей и литераторов вроде наших Толстого, Достоевского и так далее. Ну не проникнется китайский крестьянин метаниями, извините, Анны Карениной, Раскольниковом и даже Пугачева. Не поразит его мышление роман Чернышевского «Что делать». Ему нужно было переложение общечеловеческих истин на язык близкий к Конфуцию – язык правил поведения. Таким переложением – очень важным переложением и стали абсолютно непонятные европейскому менталитету цитатники Мао. Мы ерничаем над ними, особенно вспоминая, как хунвейбины требовали их цитирования везде и всюду, как они организовывали экзекуции над профессорами за то, что те не могли их вспомнить.

Однако что такое цитатник Мао? Это 427 цитат, разобранных на 33 тематические главы. Это и краткие в духе Конфуция нравоучения вроде: *«Умереть суждено каждому, но не каждая смерть имеет одинаковое значение»*, или *«Всякий, кто хочет поживиться за чужой счет, обязательно плохо кончат»*, или *«Мы не раз отклонялись от правильного пути. Однако нередко бывает, что ошибки помогают найти верный путь»*. Это и длинные развернутые абзацы, например: *«Коммунист должен быть искренним, преданным и активным, интересы революции должны быть для него дороже жизни, он должен подчинять личные интересы интересам революции; всегда и везде он должен отстаивать правильные принципы, вести неустанную борьбу против всяких неправильных взгля-*

дов и поступков и тем самым крепить коллективизм в жизни партии и связь партии с массами; он должен заботиться об интересах партии и масс больше, чем о своих собственных интересах, заботиться о других больше, чем о себе. Только такой человек достоин называться коммунистом». Не правда ли, последнее напоминает наш Моральный кодекс строителя Коммунизма? Или вот: «Жизнь империалистов не может быть очень продолжительной, так как они занимаются лишь плохими делами, только поддерживают антинародную реакцию в различных странах, захватили большое число колоний, полуколоний и военных баз и угрожают миру атомной войной. Таким образом, они вынуждают более 90 процентов населения всего мира в настоящее время или в будущем подняться на общую борьбу с ними. Однако в настоящее время империалисты пока еще здравствуют. Они по-прежнему бесчинствуют в Азии, Африке и Латинской Америке. В западном мире они по-прежнему угнетают народные массы своих стран. Необходимо изменить такую обстановку. Покончить с агрессией и гнетом империалистов, главным образом американских империалистов, - это задача народов всего мира».

Для чего здесь так подробно приведены эти длинные цитаты? Чтобы донести, что это были не какие-то безумные речевки, как у нас сложилось мнение о цитатнике Мао, а наикратчайшее адаптированное изложение на языке Конфуция марксистских истин. Это наикратчайший путь в головы темного китайского крестьянина – без долгого и часто непосильного прямого изучения европейских классиков. Не случайно знание цитат Мао было поставлено пропагандистами во главу угла. (Если мы вспомним, Сталин тоже много адаптировал, сокращал. Написал «Краткий курс истории ВКПб», статьи о ленинизме и так далее. Ленин фактически втиснул марксизм в три фразы: «Фабрики – рабочим! Земля – крестьянам! Мир – народам!»). Это единый метод пропагандистской работы, различающийся по историческим условиям каждой страны).

Другой пример: нас шокируют факты массового сожжения книг. Да, это черная страница китайской истории. Но что такое в те времена были в Китае книги? Это большей частью евро-

пейская и американская литература, абсолютно не пробивающая броню китайского менталитета. Китайцу непонятны были душевные терзания Наташи Ростовской или Гамлета, однако книги становились знаком элиты – тех профессоров, которые сидели корнями в китайском обществе, но тем не менее самим фактом обладания иностранными (еще раз подчеркнем) книгами возвышали себя над чернью, глумились и издевались над простонародьем. Книги превратились в фетиш, стали знаком элиты, и потому предметом народной ненависти. Их и так не понимали в смысле содержания, но они еще и стали великой китайской стеной, расслаивающей общество. И хватило искорки, чтобы на волне народного возмущения начать их жечь.

Думается, что в свете вышесказанного совершенно объяснимо, почему в годы Культурной революции в Китае были запрещены все театральные постановки иностранных авторов. На сценах ставились только пьесы, написанные лично женой Мао. Абсурд? Но, наверное, только так, а не через Фауста и даже Данко Горького театры могли приблизиться к китайскому простонародью.

И, наконец, и это самое главное – надо было что-то делать с набиравшим силу слоем партийных функционеров, превращавшимся в эксплуатирующий класс. Они окрепли настолько, что сформировали свое либеральное крыло в КПК в лице Дэн Сяопина и Лю Шаоци. Чистки даже по типу ежовских организовать было невозможно, поскольку сами чекисты были из той же среды и точно так же двигались по должностям из корыстных, карьерных соображений. То же самое можно сказать и о судебной системе. Внутрипартийные инструменты не работали – ведь все партийные комитеты были сформированы именно такими людьми. Мао нашел выход опереться на незашоренную, неразвращенную деньгами и властью молодежь. Причем не просто неразвращенную, а впавшую в нищету и познавшую голод китайской глубинки. Мао только указал им в своих цитатниках причины нищеты и голода и объявил в 1966 году «Огонь по штабам»...

Вот что такое эта акция. Фактически – это прокатившаяся, наконец, по китайской земле гражданская война классового

типа – того типа, через который прошла молодая Советская республика в 1918-1921 годах. Как и всякая война, она не обошлась без ошибок, без разгула криминальных элементов и т.д. Но самое главное и принципиальное – это то, с чем вышла страна из такой войны. А вышла она, если можно так выразиться, с цитатами Мао в голове (в нашем понимании: «С Лениным в башке»). То есть интенсивное начетническое сопровождение всех действий, часто абсурдное с точки зрения европейцев, привело к тому, что в сознание китайцев было вбито, в частности, что нахождение в «штабах», то есть партийных комитетах, не должно быть дорогой к обогащению и возвышению над чернью, а также многое и многое другое.

(Кстати говоря. Мы сейчас попутно ответили и на два больших вопроса: 1. Вывели обязательный отличительный признак настоящей революции: а именно «С Лениным в башке» (или с цитатами Мао). Без этого, без идеологической «прокачки» массового сознания революции нет. Почему и нельзя назвать революцией просто приход коммунистов к власти, как мы ясно теперь увидели на примере как бы победы социализма в Китае в 1949 году. Без массовых читок цитат Мао в автобусах, аудиториях, на улицах социализм бы не закрепился в массовом сознании китайцев. И 2. То, что в начале статьи у нас звучало как вопрос о роли масс в Истории. Переиначим его: об обязательном условии, когда массы начинают воздействовать на Историю. Массы должны быть сцеплены одной идеей: цитаты ли это Мао, или это ленинское «Фабрики рабочим, земля крестьянам!», или идея построения коммунизма, которая не по книжкам, а зримо выкристаллизовалась в народе как результат бурного развития экономики при Сталине. Казалось бы, очевидные вещи, но постоянно забываемые на практике).

И в связи со всей этой китайской историей хочется вспомнить Сталина (в теме настоящей статьи) – его попытку направить работу партии в идеологическое, а не хозяйственное русло. Именно региональные партийные секретари не дали осуществиться его реформам. Это и были наши аналоги китайских «штабов»! Это может звучать кощунственно, но, выходит, нам не хватило своего огня по штабам. Не хватило и тогда – на пе-

реломе сталинских и хрущевских эпох, и позднее – в эпоху Горбачева. Хотя огонь по штабам Горбачев все же провел, но осуществил его силами другого лагеря – Горбачев бил по партийным штабам руками антикоммунистов, массы, нацеленной на снос компартии и социализма вообще.

И, кстати, китайцы ясно понимают, что Мао тем самым сохранил в стране социализм. И объясняют европейцам поконфуциански уклончиво, как неразумным детям, почему они не сносят памятники Мао, – мол на тридцать процентов он не прав, а на семьдесят прав – потому, мол, они не отказываются от своей истории. Вот вам на вашу европейскую ментальность разложение по цифрам, если по-другому вы думать не умеете. И отвяжитесь от нас...

Но, все-таки, если рассмотреть суть нынешнего китайского социализма – это более жесткая, даже чем в СССР, командно-административная система. В этом отношении тема китайского социализма органично вписывается в тему настоящей статьи. Командно-административный аппарат Китая точно так же крепко держит в руках скелет государства и точно также самонадеянно и без оглядки наращивает на него рыночные мускулы. На примере своей страны мы знаем, что это может плохо кончиться. Вот и здесь у слоя новых китайских буржуа уже появилось политическое лобби в китайском руководстве, в то время как совсем не просматривается за китайскими рабочими даже намеков на чувство формационного собственника средств производства. Не видятся в китайском рабочем классе даже попытки показать себя хозяином экономики. Неужели все так плохо и планету ожидает новый провал социализма?

Сложно ответить на этот вопрос. Хотя быть может, сложно только с точки зрения нашего европейского менталитета. Быть может, китайским рабочим всего лишь на всего не хватает только нового цитатника – с цитатами о хозяйском отношении рабочего человека к станку, заводу, индустрии...? Как ни крути, но социализм может прийти в общество только через голову. Быть может, китайской кухарке просто не сказали еще, что она должна управлять государством? Скажите! – И она будет старательно и ответственно это делать! Так ответственно, как

не может даже присниться человеку с европейским типом мышления. Ведь их командно-административная система не знает Фарса. Китайцы не бичуют свою историю, не отказываются от памятников Мао, а значит, вполне себе могут повторить его «Культурную революцию». И тогда их великая система не познает нашей Трагедии. И, быть может, исторически жизнеспособным пониманием социализма станет не расплывчатое русское «Человек – это звучит гордо!», а четкий и недвусмысленно ясный свод правил поведения, написанных в новой Поднебесной (да не сочтите это пропагандой маоизма!).

И вот уже видится, как китайский рабочий читает выдержку из ненаписанного пока цитатника: *«Этот Станок Мой! Разумеется, он принадлежит Государству, но он Мой – ведь отвечаю за Него только Я! Я берегу Его от поломок, ухаживаю за Ним, совершенствую Его, я творю на Нем. Выпускаемые на Станке Детали принадлежат Государству, но это Мои Детали – ведь только Я обеспечиваю Их качество и совершенство! Я делаю их как Свои, как для Себя!»* ...

ВЫВОДЫ

Представленная работа заявлена, как книга о командно-административной системе СССР, но фактически главным действующим лицом книги стала коммунистическая партия. Это не случайно – КПСС стала ее политическим олицетворением, а фарс и трагедия великой системы в большей степени отразились на ней. Это книга только по тексту больше о прошлом, на самом деле она о настоящем – о том, как коммунистам прийти к власти, вернее, от чего для этого надо отказаться.

Ключевыми для понимания сверхидеи книги служат слова, что сегодня КППРФ борется с режимом категорийно не на равных: она как партия (только как партия) борется с целым классом. На равных с классом может бороться только класс. Это наглядно показано на примере ее прямой предшественницы РСДРП(б), показано, что она смогла прийти к власти только с помощью рабочего класса, и ей ошибочно ставят в единоличную заслугу Октябрьскую революцию. Показано, что истори-

чески Октябрьская революция была классовой, пролетарской. Показано, что социалистическая система стала базироваться на новом уровне классового самосознания рабочих, которые начали позиционировать себя новыми формационными собственниками социалистического хозяйства.

Показано, что слом системы начался с отходом от сталинских принципов руководства, когда партия отделилась от рабочего класса, поменяла свою идеологию и фактически классовую принадлежность, став партией командно-административной системы (партией директоров).

В книге дается новое видение Перестройки, событий 1991 и 1993 годов – краха великой Державы, ставшего следствием именно потери руководящей партией рабоче-классового фундамента. Показано, что, начиная с 1993 года, еще сохранившаяся структура советской командно-административной системы до конца девяностых годов проявляла себя как самостоятельная сила, причем по весомости практически эквивалентная классу (что дает основание отнести ее к категории квазикласса и, оглядываясь в историю, по-новому классифицировать главное системное противостояние советского социалистического строя). Показано, что в начале нового века режим лишил КПРФ шанса победить на выборах (которая вплотную тогда приблизилась к этому), уничтожив именно остатки советской командно-административной структуры – «красных директоров» и «красных губернаторов». КПРФ осталась партией без класса.

Показано, что сегодня компартия работает на благоприятном электоральном поле, поскольку общество, прошедшее советскую историю, ментально стало социалистическим, однако исторический шанс у КПРФ может быть только при условии возвращения к рабочему классу. Мешает же партии инерция работы в парадигме партии командно-административной системы, не позволяя пока этот поворот совершить. На примерах партийных съездов и пленумов, в том числе и 19 съезда ВКПб-КПСС, который называют сталинским триумфальным, показано, какую ключевую системную ошибку совершали и до сих пор совершают коммунисты в течение всей истории компартий

СССР и РФ. А именно: партии не хватает системного внимания к рабочему классу, причем даже тесно связанная с классом партия должна видеть себя не стоящей над ним, а осознавать себя его частью, ибо не партии, а классы вершат историю.

Литература

1. Августовский кризис 1991. Большая российская энциклопедия - электронная версия.
https://bigenc.ru/domestic_history/text/3785342
2. Проект Союзного Договора 1991 года
https://www.gorby.ru/userfiles/03_soyuznyy_dogovor_19_09_91.pdf
3. Закон СССР от 14 марта 1990 г. N 1360-I "Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР"
<http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/zakony/185465/>
4. Конституция СССР 1977 года
<http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm>
5. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. Сочинения. – Т. 16. – М.: Издательство “Писатель”, 1997.
(http://grachev62.narod.ru/stalin/t16/t16_33.htm)
6. Глушков Виктор Михайлович // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / под ред. А. М. Прохорова — 3-е изд. — М.: Советская энциклопедия, 1969.
(<https://kpi.ua/ru/glushkov-about>)
7. Ленин В.И. Великий почин. Полное собрание сочинений, 5-е изд., т. 39 (<https://leninism.su/works/78-tom-39/640-veliki-pochin.html>)
8. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность / Академия наук СССР. Институт права; А.В. Венедиктов. – М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948 (<https://naukaprava.ru/catalog/297/560969/68840>)
9. Указ Президента РФ от 21 сентября 1993 г. N 1400 "О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации". <https://constitution.garant.ru/history/active/172280/>

10. Выступление Г.А. Зюганова 2 октября 1993 г. (видео)
<https://www.youtube.com/watch?v=TKmF9DuxRl8>
11. Официальные протоколы Центральной избирательной комиссии РФ по выборам президента РФ от 16 июня и 3 июля 1996 года
http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/president/1996/
12. В.А.Колосов, Р.Ф.Туровский. Электоральная карта современной России: генезис, структура и эволюция // ПОЛИС, 1996, №4
(<https://web.archive.org/web/20020707032125/http://pr.philos.msu.ru/turov.html>)
13. Ностальгия по СССР достигла максимума за 10 лет. Российская газета - Федеральный выпуск № 286(7749), декабрь 2018 (<https://rg.ru/2018/12/19/opros-nostalgii-a-rossiian-po-sssr-dostigla-maksimuma-za-10-let.html>)
14. Положение рабочего класса в России и задачи КПРФ по усилению влияния в пролетарской среде. Выступление Председателя ЦК КПРФ Г.А. Зюганова на VI (октябрьском) Пленуме ЦК КПРФ, 2014 год. <https://kprf.ru/party-live/cknews/135645.html>
15. Материалы 19 Съезда ВКПб-КПСС.
http://istmat.info/files/uploads/52189/19_sezd_.pdf
16. Политический отчёт Центрального Комитета КПРФ XVIII съезду партии. Апрель, 2021 год. <https://kprf.ru/party-live/cknews/201822.html>
17. Сталин И.В. Об основах ленинизма: Лекции, читанные в Свердловском университете. Сочинения. – Т. 6. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. (http://grachev62.narod.ru/stalin/t6/t6_06.htm)

Рецензия
на работу Сергея Зиновьевича Саночкина
«Фарс и трагедия великой системы»
от член-корреспондента ПАНИ
Сергея Романовича Кузьмина

Предварительные пояснения

Рецензируемая работа открывается Аннотацией, в которой, на мой взгляд, сразу акцент делается по нескольким направлениям: 1. Роль административно-командной системы в управлении в СССР и в России; 2. О роли института президентства в разрушении СССР; 3. О пассивности основной части народа в те дни, когда рушили СССР; 4. О неспособности какой-либо партии (в представленной работе акцент сделан в основном на КПРФ) удержать СССР от развала.

Принимаем к сведению намерения автора, заявленные в Аннотации, выстроить доводы-тезисы, застолбить их – *«...совершенно разные, порой диаметрально противоположные – в единую логическую линию, ...либо логика Истории – в переплетении противоположностей. Такой же разноречивой была и логика СССР. Причину его естественно-неестественного поражения можно понять, не выискивая какой-либо один фактор, самый существенный и главный, а рассматривая развитие СССР как борьбу противоположных тенденций, причем борьбу меж собой, в том числе, и некапиталистических устремлений, каждое из которых само по себе не имело целью его уничтожение.»*

Приступаем к изучению текста.

Сам автор сделал переход от аннотации на свой основной текст в установлении причин развала СССР такой фразой: *«Для поиска причин мы обратимся к долгой истории СССР, но начнем от его финала – от августа 1991 года.»* (стр.5)

Возражение: Финал (итал. finale от лат. finis «заключение; конец») — завершение, заключительная часть чего-либо. Но август-1991г. не был концом СССР. Если автор имел в виду финал, как спортивный термин, как противостояние двух силь-

нейших команд, то это заставляет взглянуть на описанное развитие событий со «спортивным интересом».

Первую часть своей работы автор так и назвал: ФИНАЛ. Здесь рассмотрены моменты противостояния ГКЧП в августе-1991г. и президента России Б.Ельцина. Как мы помним, в то время президент СССР М.Горбачёв или самоизолировался, или его «самоизолировали» на побережье Чёрного моря.

Цитата: *«...Референдум о сохранении СССР 17 марта 1991 года уже ни на что не влиял... не будь этого голосования, массовые московские волнения против ГКЧП, послужившие толчком к последующему роспуску союзных органов и затем СССР, были бы интерпретированы как выражение воли народа.»* (стр.6)

УТОЧНЕНИЕ: На мой взгляд, тут упущена мысль о том, что не будь референдума от 17 марта 1991 г – не было бы и ГКЧП...Объективно, гэкачеписты попытались отстоять волю народа за сохранение СССР, выраженную 17 марта 1991г.

Далее автор вполне логично, анализируя союзный договор, предложенный М. Горбачёвым, делает вывод о том, что как раз за формулировками этого «союзного договора» и стоял распад СССР: *«...в самой формулировке вопроса была заложена мина под единый Союз, заключенная в слове «суверенных». В дальнейшем на нем стали строиться мошеннические политические игры. СССР, естественно подошедший к потрясениям, был развален искусственно, в том числе такими подлогами, как спекуляцией словом «суверенные»* (стр.7).

Верно отмечен экономический механизм растаскивания СССР: *«...В годы Перестройки под разговоры о суверенизации началось растаскивание собственности СССР по национальным квартирам. Так, были проведены национализация Россией нефтяной и газовой промышленности и национализация Якутией и Казахстаном золотодобывающей промышленности.»* (стр. 7)

Очень популярным в работе автора стало слово «КВАЗИ» (Юридический словарь Блэка определяет «квази» как «почти», «похожий») «квази-класс», квази ЧАСТНАЯ СОБСТВЕН-

НОСТЬ, в то время как в России наступил квази-рынок... Сравнивая горбачёвскую «новую экономическую политику» (НЭП) с тем НЭПом, который был после 1920-го он отметил очевидное: *«...другими словами, создавался не в дополнение к государственному, что было крайне необходимо во времена разрухи двадцатых годов, а путем отделения от государства в готовом виде. Как видим, это противоположно направленные процессы. Горбачевский квазиНЭП кромсал единое хозяйство и вел к результатам, прямо противоположным НЭПу – он не укреплял, а разваливал экономику».*(стр.9)

Отмечено и мошенничество в то время президента Горбачёва – подменить принятие Союзного Договора не съездом депутатов Верховного Совета, а главами союзных государств: *«Таким образом, можно обозначить ключевое обстоятельство, послужившее спусковым крючком к распаду СССР, – это президентская форма правления. Но еще раз повторим: это только спусковой крючок, слишком много причин подвело к развалу страны, однако не будь именно его, все многочисленные проблемы были бы преодолены».*(стр. 10)

«... Верховный Совет, Съезд народных депутатов и шире – Советская система власти оказались препятствием на пути ползучей капитализации социально-экономической системы в стране. Президентская форма правления позволила его обойти. Фатальность неудачи ГКЧП заключалась в том, что они вынуждены были встать на защиту социально-экономической системы, против развала страны, будучи в рамках президентской формы правления». (стр. 11)

Мнение рецензента:

Здесь автор рецензируемой работы абсолютно прав. Совершенно очевидно, что президентство, появившееся вначале 90-х как в России, так и в других союзных республиках, и развалило СССР, вопреки воле советского народа высказанной на референдуме 17 марта 1991г. То, что народ негативно воспринимает институт президентства показывает то, что неоднократно на бывшего президента СССР М.Горбачёва подавались и подаются судебные иски, а в социальной сети в «Однокласс-

никах» наряду с ностальгическими группами про СССР, имеется даже группа – «Оно нам нужно это президентство?» - <https://ok.ru/ononamnuzh> . Автор в своей работе довольно подробно разобрал механизм того, как в СССР и в России появился институт президентства. Из этого подробного разбора следует, что народ, как таковой вовсе и не спрашивали – нужно ли оно нам это президентство? Что хорошего дал народу этот институт президентства? Президент СССР Горбачёв и президент Ельцин, вопреки воле народа развалили СССР, со всеми вытекающими последствиями... Президенту Ельцину на протяжении всего его нахождения у власти объявляли импичмент за импичментом. Всё это со скандалами и превеликими волнениями. Обычный кадровый вопрос, который при ранее существовавшей форме правления в виде Председателя Верховного Совета решался бы без великих потрясений – простыми ПЕРЕВЫБОРАМИ советом депутатов ...руководителя. Но кому-то явно нужны были Великие Потрясения – вот и ввели институт президентства, который кроме потрясений ничего хорошего, на мой взгляд, народу не дал.

Далее автор подробно изучает вопрос о явлении в советское время КВАЗИ-частной собственности, квази-рыночников, квази-класса, цитата: **«Столбим: Командно-административная система, неспособная управлять усложняющимся хозяйственным механизмом, вынуждена была передавать права на это фактически частным лицам. Она сама порождала квазичастную собственность, то есть фактически сама себя отрицала». (стр. 16)**

В свете этого термина КВАЗИ, я удивляюсь: почему автор работы и к президентству не приставил этот термин: квази-президентство? Это было бы вполне логичным продолжением расклада и продвижения квази-системы общественных отношений, из которых народ исключен полностью, ему отведена только роль статиста – голосователя-электората.

В экономике рассматриваемого периода автор видит три возможных пути: административный, рыночный и цифровой. Анализирует их возможности развития в свете административно-командной системы.

ЦИТАТЫ АВТОРА: *«Столбим: Суть реформы Глушкова – в оцифровывании вчерашних потребностей, она в принципе не могла просчитывать будущее структуры потребления. Но даже ее полезная, прогрессивная часть не была бы принята, и главную тормозящую роль в этом сыграла бы командно-административная система. Поэтому нам никуда не уйти от разбора этого ключевого порока советской действительности.*

Столбим: вопреки распространенному мнению Сталин был противником прямого партийно-хозяйственно-административного управления социалистической экономикой. Суть сталинской реформы заключалась в демонтаже командно-административной системы в ее зародыше. Однако сталинские реформы были практически сразу же свёрнуты Хрущевым». (стр.20)

Что касательно народа, то тут автор работы явно исходил из принципов партийно-классового подхода к рассмотрению этого аспекта и рассматривал только часть советского народа, пытаясь вычленил из него рабочий класс, что, на мой взгляд весьма, сложно сделать в условиях господствовавшей в рассматриваемый период времени странноватой идеологии, подразумевающей и провозглашающей, что при социализме не может быть классов, а социализм провозглашался построенным. Кстати, ниже в своей работе автор и сам подчёркивал построение бесклассового общества, как задачу рабочего класса.

ЦИТАТЫ АВТОРА: *«Социализм – это творчество масс! Так однажды высказался об этом Ленин, и именно это проявление у рабочих признаков нового собственника увиделось Сталину в те годы. И именно от этого он отталкивался, закладывая свои политические реформы.*

Столбим: *В социалистической экономике рабочий класс творил новый тип отношений и становился новым собственником средств производства – не номинальным, а реальным, формационным. Именно на этом феномене базировались сталинские реформы.*

Здесь необходимо отступление. Как бы убедительно не рассказывать о рабочем классе, как новом формационном соб-

ственнике, нам, сегодняшним, трудно представить себе феномен чувства собственника для рабочего человека как единичной частички класса. Не дает это сделать отторжение на подсознательном уровне дискредитированных системой идеологических пропагандистских штампов. И все же попробуем. Без такого мировоззренческого отступления невозможно будет в принципе двинуться в нашем анализе дальше. Необходимо представить себе, что мы могли бы иметь, не случись отказа от сталинской модели. Хотя бы в идеале....

Рабочий, как Класс, выпускает промышленную Продукцию как для Себя, хотя и Станок, и Цех, и Завод, и Индустрия, и выпускаемый Продукт принадлежат Государству, а, значит, всему Обществу.

Сегодня такие рассуждения вызывают усмешку. Однако в годы встающего на ноги социализма они действительно прорастали. От них веяло необычной новизной, свежестью и притягательностью. Новой романтикой! И идеал казался достижимым! Показательных примеров для этого хватало.» (стр. 23)

РЕПЛИКА Я - рецензент сам выходец из рабочей среды. То, что для кого-то является романтикой, для меня это будничная жизнь. Рабочий – собственник деталей и машин, механизмов, которые собираются из этих деталей в советском государстве? Признаюсь – за 62 года жизни впервые об этом слышу. Качественно сделать деталь – это вне сомнения. Потому что есть система контроля – ОТК. И за качественно сделанную деталь я получаю деньги, а за брак лишат премии, а могут и вычесть стоимость загубленной детали из зарплаты. Другое дело, что советское государство ГАРАНТИЛОВАЛО мне, как рабочему, как инженеру ОПЛАЧИВАЕМЫЙ ТРУД, который шёл в трудовой СТАЖ. С рабочими местами не было проблем. ПРАВО на труд реализовывалось без излишней демагогии. Зарплата – в белую и только в белую! Я знал, что, если мой товарищ за соседним станком сделал больше деталей, он и денег получит больше. И это было справедливо. Если я сделаю больше – то я получу больше. Мы не скрывали своих зарплат – мы ими соревновались. Сейчас, пожалуй, даже то, что советские люди,

работающие в одном цеху, на одном участке, не скрывали своих зарплат друг от друга, выглядит романтикой.

ЦИТАТА: «В 1948 году вышла свет работа академика, юриста и экономиста Анатолия Викторовича Венедиктова «Государственная социалистическая собственность» [8], которая была отмечена сталинской премией. Сегодня модно говорить об отсутствии социалистической экономической науки, тем более что государственное управление экономикой к годам перестройки пришло к перекосам и гигантским проблемам. Однако совершенно забыто, что в сталинский период она активно развивалась. Страна осуществляла индустриальный рывок, и стоит задуматься над тем, был ли он возможен без экономической науки. Было бы поверхностно считать, что осуществить рывок, позволивший за десять лет наверстать то, что капстраны проходили столетиями, возможно было кавалеристской атакой...»(стр. 28)

То есть, именно сталинскую экономику и можно назвать единственно социалистической. Столбим: Вопреки разговорам об отсутствии науки о социалистической экономике она развивалась, и все годы при жизни Сталина шла в ногу со становлением новой формации. Ее достижения и выводы органично вписывались в ткань народного хозяйства, поднимая его на новый формационный уровень, обеспечивая преимущество социалистической системы над капиталистической.» (стр. 30)

РЕПЛИКА: Нужно ли говорить о том, что преимущество экономической модели в СССР было подтверждено победой в войне 1941-45гг.? А затем восстановлением народного хозяйства, разрушенного войной. А воевать-то пришлось, практически со всей Европой, завоеванной гитлеровцами... Много места в своей работе автор отводит РАБОЧЕМУ КЛАССУ в СССР.

ЦИТАТЫ: « Существенным содержанием науки о социалистической экономике было признание и учет фактора появления нового формационного собственника в лице рабочего класса...».(стр.31)

«... Суть сталинской партийно-государственной модели в том, что партия стоит не над государством, а управляет государством, исключительно из среды рабочего класса – ведущего собственника общественных средств производства и ведущей политической силы в системе Советов (порожденной им же самим)».(стр.33)

«Однако, как мы знаем, эта историческая модель не реализовалась. И не в силу ее идеализированности и слабости. Сменивший Сталина на посту руководителя партии Хрущев перенес акцент партийной работы с идеологической работы в рабочей массе на хозяйственно-управленческие методы...». (Стр. 33)

Автор работы с горьким укором разобрал в ЧАСТИ 4 как командно-административная система в СССР после смерти Сталина вела борьбу с РАБОЧИМ КЛАССОМ, цитата: *«**Результатом борьбы командно-административной системы с рабочим классом стали подавление чувства собственника средств производства и вместе с этим утеря принципиально важного для социалистической формации рабочего-классового экономического мотива — «продукта как для себя».** Все это осуществлялось на фоне полной дискредитации понятия «идеология».* (стр. 39)

РЕПЛИКА РЕЦЕНЗЕНТА: Признаюсь, что этот момент работы автора стал для меня настоящим «бальзамом для души». Дело в том, что многие мои друзья-товарищи, да и откровенные враги называют меня «настоящим коммунистом», хотя я никогда не состоял ни в КПСС, ни в КПРФ, ни в других партиях. Вырос, сформировался в рабочей среде, которую, казалось бы, должны вести члены КПСС-КПРФ в светлое социалистическое будущее. Был активным комсомольцем, но... вот в члены партии так и не вступил. Великое дело, оказывается интуиция! Вот всё, что описал автор работы в отношении командно-административной системы к рабочему классу, к рабочим, всё это я ощущал и понимал на интуитивном уровне. Поэтому и не рвался ни в ряды КПСС и не рвусь сейчас в ряды КПРФ. Хотя другой партии, которая в настоящее время идеологически была бы ближе к моему мировоззрению, увы, я не

вижу. Большим пробелом в этой работе я вижу то, что как таковых научных данных по исследованию мировоззрения РАБОЧЕГО КЛАССА в работе не приводится. Это не упущение автора, это беда всей системы, про которую автор нелицеприятно правдиво говорит «фарс и трагедия великой системы». Вот эта самая система, которая опиралась, образно говоря, «на штыки рабочего класса» сама и уничтожила этот рабочий класс, перестав его не только идеологически стимулировать, формировать, как дальнейшую опору для установления светлого коммунизма, но даже и просто – хотя бы изучать, чтобы понимать.

В части пятой своей работы **О ПЕРЕСТРОЙКЕ** автор смело и бескомпромиссно провёл аналогии съездов депутатов, на которых было принято решение о введении институтов президентства в СССР и в РСФСР с Учредительным собранием образца 1917-1918гг., **цитата**: *«Эта психология личности (элитарности) проникает в Учредительное Собрание (и горбачевский Съезд депутатов), депутаты принимают решения, не понимая, как те будут реализовываться в жизни. И неслучайно, что именно Съезд народных депутатов (так и хочется слово «народных» взять в кавычки!) принял разгромные для страны решения. Он как бы показал, что стало бы со страной в 1918 году, останься власть в руках Учредительного Собрания»*.

РЕПЛИКА: В простонародье эта суматошность людей, возмнивших себя элитой, называют просто: высоко взлетели и ЗАЗВЕЗДИЛИСЬ.

Практика – критерий истины. Практика президентства Горбачёва и Ельцина показало истинное лицо и смысл института президентства в СССР и в России – развал и хаос.

Много места уделил автор работы тому, как ему видится формационный переворот в 1993 году – в части шестой с 44 по 56 страницы. Объёмная работа, хотя и кратко изложенная. Ключевой момент – это то, что автор напоминает, что ельцинский «беловежский сговор» в декабре-1991г по развалу СССР, так до сих пор и не вступил в законную силу, поскольку депутаты того периода отказались его ратифицировать, а потребо-

вали отставки президента Ельцина. В результате этого противостояния президент Ельцин приказал в октябре-1993г. расстрелять из танков «Белый дом» - Верховный совет депутатов.

ЦИТАТЫ: «...вновь приходишь к горькой констатации: будь Ельцин не Президентом, а Председателем Верховного Совета – никакой стрельбы и танков на своих улицах Москва бы не увидела, ведь сам «царь Борис» сидел бы в Белом доме, точнее говоря, занимал бы Кремль вместе с Верховным Советом. А прокручивая все события начала девяностых, можно с уверенностью добавить, что не было бы также никакой шоковой терапии и криминальной приватизации – все издевательства исполнительной власти гасились бы на сессиях Верховного Совета. Причиной трагедии и сотней смертей, как ни крути, опять стало введение президентской формы правления». (стр.48)

«...И, наконец, третий – главный – момент: менять государственный строй не хотел сам народ – тот самый народ, который в конце 80-х выступил против 6-й статьи Конституции, который молча прореагировал на запрет компартии и фактически лишил страну гаранта социалистической системы. Он вышел на защиту. Говорят, что не вышел. Вышел! Причем речь идет даже не столько о собравшихся живым кольцом вокруг Белого Дома москвичихах. 83 субъекта Российской Федерации из 86 выступили против Указа Ельцина о роспуске Съезда и Верховного Совета...». (стр.56)

РЕПЛИКА: Антинародность президента Ельцина наглядно проявилась в октябре-93, когда он вывел танки на улицы Москвы и отдал приказ расстреливать «Белый дом» - Верховный совет депутатов. И этому оправдания и прощения нет.

Такие антинародные меры, на мой взгляд, оказали вполне закономерное отрезвляющее действие на ту часть народа, которая пошла было за Ельциным и ему подобными. Автор работы в части седьмой (**НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РЕВАНШ СОВЕТСКОЙ КОМАНДНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ**) своего исследования недоумевает: почему же вдруг партия КПРФ с 12% голосов вдруг стала набирать почти половину голосов избирателей:

ЦИТАТА: «**Столбим: В 1996 году и позже КПРФ сама по себе в принципе не могла взять власть, поскольку, будучи партией, она боролась с классом. Формационный переворот в состоянии осуществить только класс.** Однако и здесь все было не так одномерно. Имело место и одно нестыкующееся с этим обстоятельство: на КПРФ работал какой-то особый фактор, позволявшей просто партии, бившейся с большим классом, из года в год все же наращивать голоса на выборах». (стр. 61)

РЕПЛИКА РЕЦЕНЗЕНТА: Да, картина удивительная... этот пресловутый административно-командный метод, применяемый долгое время, как в КПСС, так и в КПРФ, приведший к тому, что опора коммунистов – рабочий класс растворился, стал безликим, вдруг и шевельнулся – дал свои голоса в поддержку коммунистов. Но шевельнулся не потому, что КПРФ вдруг в корне поменяли своё отношение к рабочему классу, стали его признавать, а потому что этот сумасбродный пьяница Ельцин всех достал! Достал до самых печёнок, достал до того, что женщины перестали рожать детей. Ведь давно уже не секрет, что 1991-1997гг. – демографическая яма, обвал. Смертность при президенте Ельцине в разы превысила рождаемость!

Как КПСС-КПРФ растеряла поддержку среди рабочих людей автор работы довольно подробно и правильно описывает в своей работе с итоговыми мыслями на стр. 64. И с его описанием лично я соглашаюсь в этой части. Но, вместе с тем и возражаю: не везде коммунисты оттолкнули от себя рабочих и крестьян. Это обстоятельство и обеспечивает стабильный процент голосов за КПРФ на выборах.

ЦИТАТА: «... *Остатки командно-административной партноменклатуры еще десятилетие имели реальную силу в административной вертикали нового режима и скрытно поддерживали КПРФ (свою партию!) на выборах. При их поддержке КПРФ могла прийти к власти, но при этом в стране снова возродилась бы командно-административная система со всеми ее пороками, что грозило бы повторением доперестроечных проблем*»

РЕПЛИКА: Но реально-то голосует за КПРФ не столько остатки партноменклатуры (которая, кстати, в большинстве своём переметнулась по примеру Ельцина-Горбачёва к враждебному воцарившемуся классу жуликов и воров – новоявленной буржуазии), а именно те люди, которые воспринимали и воспринимают идеологию социализма-коммунизма. Другое дело – насколько соответствует этой идеологии сама нынешняя КПРФ...

Всё предыдущее, что написано – это гимнастика ума и риторика. А прикладное действие этого исследования, на мой взгляд, изложено в части восьмой, которую автор назвал **«БОРЬБА В БЕСПРЕЦЕДЕНТНЫХ УСЛОВИЯХ»**. Здесь автор вполне недвусмысленно даёт понять, что перспектив у КПРФ в случае, если её не поддержит рабочий класс, нет. Борьба совершенно неравная. Партия КПРФ борется как партия с вполне сформировавшимся классом буржуазии, которую в народе называют «партией жуликов и воров». Перевес, естественно, на стороне КЛАССА. Уравнять шансы, по мнению автора рецензируемой работы и привести КПРФ к победе может только РАБОЧИЙ КЛАСС – антипод класса буржуазии. Вопрос в том, способна ли стать КПРФ партией рабочего класса? Не заполнена ли она «агентами влияния», попросту говоря, провокаторами, работающими на «партию жуликов и воров» - класс современной буржуазии в России?

Цитата: *«Чтобы не было сомнений в последнем, надо ясно и понятно стать партией рабочего класса – грубо говоря, встать рядом с рабочим человеком. Да, необходимо включиться в повседневную борьбу рабочих за свои права на предприятных... Люди должны увидеть в избирательных бюллетенях кандидатами от КПРФ не директоров и бизнесменов, а рабочих, крестьян, цеховых инженеров... Опора на рабочих необходима, во-первых, потому, что они остаются последовательными носителями социалистического мировоззрения, и, во-вторых, в свете политической перспективы: в возрожденном социализме вновь встанет вопрос о рабочем классе, как о формационном собственнике социалистического хозяйства. (стр. 74-75)*

МНЕНИЕ РЕЦЕНЗЕНТА: Довольно подробному и понятному исследованию, на мой взгляд, не хватает кропотливого анализа: какую же часть населения России возможно считать «рабочим классом», который способен поддержать КППРФ в борьбе с классом буржуазии? Представляется ошибочным мнение автора работы, что «рабочий класс» - это только те люди, которые на заводе и в цехах.

ЦИТАТА: *«Можно ли просто рабочего, пришедшего с улицы, считать представителем рабочего класса? Нет! В этом случае он просто горожанин. Он только тогда представитель рабочего класса, когда идет с классом... (Грубо говоря, на заводе ты рабочий класс, а на улице, если ты сам по себе, – просто гражданин)».* (стр. 53)

Часть девятую исследования **«ЧТО ДАЛЬШЕ? СОСТОИТСЯ ЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ В РАБОЧИЙ КЛАСС?»** также можно отнести к прикладному направлению. Но, как я уже писал выше, необходимо определиться – что же есть на сегодня «рабочий класс». Как мы видим, простыми теоретическими изысканиями-размышлениями это направление не проработает. Необходимы конкретные практические шаги. Нынешняя буржуазная система выборов депутатов и того же президента дают такую возможность изучения. К примеру, мои наблюдения за выборами в Новосибирской области в сентябре-2021г позволяют сделать вывод, что обкомовская верхушка просто не в состоянии в силу своего партноменклатурного состояния мозгов выйти и встать рядом с теми же рабочими-кандидатами в депутаты. Смешно сказать, но на избирательном округе, где в Законодательное собрание шёл рабочий-металлург А.Белкин, распространяли агитационные материалы не с самим рабочим В.Белкиным, а с огромными портретами обкомовской верхушки, как будто избиратели, осеянные этими портретами обкомовцев вдруг вздрогнули все разом и обратили внимание на рабочего В.Белкина... А чего стоило бравурное заявление-отказ в последний день агитации 2-го секретаря обкома КППРФ В.Карпова от поддержки сторонников Навального по системе «Умного голосования» кандидатов-коммунистов... Итог был такой: из 27 заявленных от КППРФ кандидатов в За-

Собрание Новосибирской области прошло лишь 6. Рабочему-металлургу В.Белкину не хватило до победы 300 голосов. Наверное, не только у меня создалось впечатление, что новосибирский обком КПРФ специально в сентябре-2021г провалил своих кандидатов в депутаты?

Автор рассматриваемой работы правильно оценивает ситуацию, что возвращение КПРФ в ряды рабочих должно пойти, в первую очередь, в регионах. Но даже там, где имелись реальные возможности для такого возвращения, местное оставшееся партноменклатурное руководство не в состоянии это осуществить в силу строения своего мировоззрения. Казалось бы, просто: дайте на выборы рабочему В.Белкину агитационные материалы не с обкомовскими физиономиями на половину газетного листа, а газету о нём – рабочем Белкине, о проблемах его округа,... но даже этого новосибирские обкомовские партийцы оказались не в состоянии осилить своими мозгами... Я уже не говорю о более сложных вещах, таких, как наступательная агитация в ходе выборов с использованием ошибок «партии жуликов и воров», которые отняли у всего населения ГОДЫ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА и, в силу этого – кучу денег.

Заключение:

В целом, работа Сергея Зиновьевича Саночкина «Фарс и трагедия...» показывает здоровое критическое осмысление состояния не только прошлого общественно-политического поля в России, но и нынешней действительности, как в структуре нынешней КПРФ, так и во взаимоотношениях этой партии с окружающим миром. Этот критический взгляд, анализ, я думаю, замечателен ещё и тем, что он состоялся изнутри КПРФ, с успешной деятельностью которой у многих соотечественников связаны надежды на изменение не только антинародного курса нынешнего государства, но и на изменение его устройства. Есть некоторые моменты, с которыми я не согласен и которые отражены в моей рецензии, но есть также и перспективы для продолжения дальнейшего прикладного изучения действительности в заданном ключе. К примеру, ощущается нехватка

информации и аналитического разбора того, что же случилось с республиканскими отделениями КПСС в союзных республиках? Почему они не ощущались во время событий 1990-1993г.г. Творческий потенциал автора, думается, позволит ему не останавливаться на этой проделанной работе, а развить её дальше. Хочется надеяться, что мысли, прозвучавшие в этой работе, будут носить прикладной характер, окажут перформативное воздействие и будут способствовать изменению нашего общества к лучшему.

Рецензент, главный редактор Вестника ПАНИ и общественно-политической газеты «Пятый Элемент» член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, депутат Новосибирского областного совета депутатов 2-го созыва (1997-2001г) С.Р. Кузьмин

Рецензия
на книгу Саночкина Сергея Зиновьевича «Фарс и трагедия
великой системы» от академика Петровской академии наук
и искусств, доктора технических наук Анатолия Егоровича
Немцева

Автор затронул в книге практически не исследованную тему командно-административной системы СССР. Отсутствие широко известных авторитетных работ в этой области не даёт пока возможности грамотно соотносить роль и оценки системы в истории страны и особенно в последние годы. Необходимы обсуждение и выработка предложений по так и непризнанным за 30 лет легитимным итогам приватизации (80% россиян выступают за пересмотр итогов приватизации, нечестный характер приватизации признаёт 72% предпринимателей). Чтобы Россия не повторила судьбу СССР, необходимо дать убедительный и выверенный ответ на вопрос о причинах развала СССР. Опросы показывают, что и спустя три десятилетия 40% опрошенных не могут дать ответ на этот вопрос. Редкие работы, так досконально разбирающие эти вопросы, важны и интересны уже по самому факту своего появления. Поэтому работа Саночкина С.З. весьма своевременная и актуальна.

Представленная работа интересна подходом к рассматриваемой теме командно-административной системы: она с одной стороны смотрит на неё с точки зрения не только её дел, но и последствий для сегодняшнего дня, а с другой стороны – описывает её в разрезе партийной составляющей. Согласен с мнением автора, что фактически «главным действующим лицом книги стала коммунистическая партия». Меня, отдавшего немалую часть жизни коммунистической партии, такая постановка вопроса не оставила равнодушным. Интересно было вместе с автором рассмотреть и вопросы истории СССР и практические проблемы нынешней КПРФ. Конечно, классовый аспект, который проходит стержнем через всю работу, ещё ждет своего глубокого исследования учёными и профессиональными политологами, но уверен, что материалы и идеи для своих исследований они будут черпать из исследований таких практиков, как автор этой книги и ему подобных. В этом смысле, полагаю, что оригинальной и небезынтересной находкой автора является определение точки надлома в истории развития коммунистической партии на её, казалось бы, триумфальном XIX-м съезде.

Ценным является то, что автор рассматривает этот съезд именно глазами партийца-практика, и показывает, что именно после этого надлома КПСС неизбежно покатила через идеологические метания к «безобидным» хозрасчётным, а фактически рыночным отношениям в экономике, а затем к прямой реставрации капитализма.

Самостоятельной ценностью книги является разбор причинно-следственных связей в цепочке навязанной Перестройки, укладывание в единую логику сумбура конца 80-х и начала 90-х. Неожиданным и не лишённым основания можно считать выявленную автором «работу» остатков командно-административной системы СССР уже после официального его роспуска в Беловежской пуще, и то, что она еще продолжала быть подпоркой КПРФ и вполне могла привести коммунистов к власти. Но стоит задуматься и над мнением автора, что возрождённая таким образом Советская власть могла повторить все доперестроечные изыны системы, то есть её приход мог

оказаться преждевременным. И в этом разрезе нынешние проблемы КПРФ видны в историческом ракурсе этой великой системы и заслуживают внимания предложения автора по дальнейшей тактике и стратегии партии. Книга переходит в практическую плоскость, что совершенно логично в русле рассматриваемой темы.

Считаю, что работа Саночкина С.З. «Фарс и трагедия великой системы» может быть опубликована в Вестнике Новосибирского отделения Петровской академии наук и искусств.

Академик Петровской академии
наук и искусств, д-р техн. наук

Немцев А.Е.

Саночкин Сергей Зиновьевич
Фарс и трагедия Великой системы
(классовый аспект)
Издание второе, дополненное

Подписано к печати 23.08.2021 г. Формат 60x84 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать цифровая.

Печ. л. 7,5. Тираж 50 экз.

Заказ № 119

Отпечатано ООО «Академиздат».

630090, Новосибирск, пр-т ак. Лаврентьева, 6/1

academizdat.com

foto-knigi@yandex.ru

Тел. (383) 380-65-20